

ГОЛОС ЗАРУБЕЖЬЯ

47

МЮНХЕН 1987

СО Д Е Р Ж А Н И Е

С Рождеством Христовым!	1
Протоиерей Д. Константинов. Доверие	2
М. Турецкая. О гласности и лжи	3
Е. Кармазин. Оппозиционные заметки	5
Д. Штурман. Ничего нет легче (окончание)	15
В. Пирожкова. Союз мировых держав против стариков	17
М. Михайлов. Критика революционных мифов	24
В. Рудинский Обзор зарубежной печати	25
Н. Воейков. Россия, США и юбилей Статуи Свободы	32
Протоиерей Д. Константинов. Притча о богатом и Лазаре	33
В. Пирожкова. Второй Кронштадт	34
Г. Шахнович. День пехотинца	35
Год скорби и непримиримости	36
Д. Штурман. Городу и миру. Публицистика Солженицына	38
“Этот юмор раскрывает мириады истин”	44
Рыцарь без страха и упрека	47

ГОЛОС ЗАРУБЕЖЬЯ

№47

Декабрь 1987

Мюнхен

С РОЖДЕСТВОМ ХРИСТОВЫМ!

Снова празднуем мы день рождения Сына Божия на этот наш свет. Годы летят, и мы приближаемся к числу 2000, столько лет из года в год верующие христиане всех вероисповеданий празднуют рождение Ребенка в яслях, в бедной обстановке, в холодную ночь горного Вифлиема. Во всех, считающих себя христианскими, странах многие празднуют этот праздник лишь по традиции как семейный праздник, мало задумываясь о его содержании. Хотя вспомним, как неистовавшие атеисты боролись сначала даже против внешнего символа этого праздника: ароматной украшенной елки. Старшие из нас помнят, как знакомые крестьяне привозили елочки тайно под дровами, и те, кто был счастливым обладателем квартиры больше, чем в одну комнату, ставил елочку во второй комнате, раздобывал какие-нибудь свечечки и по вечерам делал затемнение как во время войны, чтобы снаружи не были видно свечки, — да это и была война: против религии, против Церкви, да и против большинства народа. А потом вдруг разрешили новогоднюю елку, и ее уже можно было, не пряча, оставлять до Рождества. Постарались переключить символ в плоскость своей пропаганды. Но Церкви и верующим от этого легче не стало.

Но дело, конечно, не в символе.

Что же празднуют верующие христиане? Что означает для них рождение этого Младенца, одного из многих миллиардов рождавшихся, рождающихся и предстоящих родиться людей?

Этот один Младенец, это одно рождение — соприкосновение земли с Небом. Не с тем небом, в котором мы, люди, теперь устроили дыру в охранительном поясе озона, и не с тем космосом, в который летают теперь космонавты. Это все принципиально не выходит за рамки земного, т. е. материального существования. Нет, то, что произошло в день Рождества, — это было соприкосновение с другим Небом, со сферой существования Господа, со сферой, закрытой для нас обычно

и только иногда приоткрывавшейся на короткое время апостолам, святым или некоторым детям. В этот день произошло пересечение этих сфер в Младенце, Который вошел в наш земной свет как истинный Бог и истинный Человек.

Это был и момент, в который история как бы остановилась. Открытое Царствие Божие могло прийти. "Покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное". Если бы внимавшие тогда прислушались, то Царствие Божие пришло бы в открытом виде так, как мы себе и представить не можем. История подошла к своей границе и могла бы влиться в открытое Царствие Божие. Этого не случилось. История перешла через эту возможность, но она на самом деле не осталась той же самой, хотя, на первый взгляд, и может показаться, что история по своему существу никак не изменилась.

Но Сын Божий стал Человеком в вечности. Существуют в наше время секты, которые говорят, что они не отрицают христианства, но думают, что сын Божий или пришел или еще может прийти в человеческом образе, не при Втором Пришествии, а просто в образе какого-то совсем другого человека. Эти сектанты говорят, что христианство было лишь одним из шагов на пути человека к Богу. "Что, если Бог хочет дать нам еще более высокое, полное соединение с Богом?" Христианин так мыслить не может. Какое большее соединение человека с Богом может еще быть? Иисус Христос — истинный Бог и истинный Человек, а все, кто в Него верует и за Ним следует, — Его братья и сестры. Какой еще большей близости к Богу можно ожидать? Только сам человек должен пойти навстречу Богу, Господь принимает каждого, кто к нему тянется.

Для христианина вочеловечение Сына Божия, Иисуса Христа, — единственное. Никакого другого быть не может. Сам Иисус Христос не раз предостерегал от ложных пророков. Он Сам предсказывал, что будут приходиться и под Его именем и вообще под

личною "сынов Божиих", и Он предостерегал им не верить, ибо Второе Пришествие истинного Сына Божия совершится не в тиши и не незаметно, как произошло первое, а ясно перед глазами всех, как молния с Востока на Запад. Будем же помнить, что рождение Господа нашего Иисуса Христа в мир было и остается единственным пресечени-

ем Неба и земли, единственной точкой истории, к которой до того все стремилось и от которой после нее все исходит — сколько бы страшных искажений ни вносили люди, — вплоть до Второго Его Пришествия.

Еще раз поздравляем всех сотрудников и читателей-христиан с Рождеством Христовым!

Редакция

Протоиерей Д. КОНСТАНТИНОВ

Д О В Е Р И Е

Доверие... Слово огромного значения и духовного напряжения. Но о каком доверии и о доверии к кому идет в данном случае речь? Речь идет о доверии к Богу.

В жизни многих людей замечается следующее. Как часто случается, что мы, теряя то, что нам кажется в данный момент самым главным и очень важным, через некоторое время получаем нечто иное, гораздо более важное и полезное для нас и для людей, которым мы призваны служить. Как часто бывает, что нам не удается что-либо в жизни, и через некоторое время мы убеждаемся: очень хорошо, что мы не добились желаемого, ибо последствия этого оказались весьма полезны для нас. Такие случаи отмечаются многими людьми, но из них далеко не всегда делаются соответствующие выводы.

И только доверие, безграничное доверие к Тому, Кто ведет нас по пути спасения, или иначе, одухотворения жизни, вера в Него может осмыслить и объяснить всякого рода сложные ситуации, создающиеся в нашей жизни и являющиеся в какой-то мере необъяснимыми для нас. Надо помнить: Он дает нам всегда именно то, что наиболее полезно для нас самих, и то, что мы в данное время, на данном уровне нашего духовного развития можем наиболее удачно совершить, явившись таким образом участниками Божьего домостроительства.

Доверие и любовь к Творцу и Господу неизбежно приводит нас к активной деятельности, но деятельности, возникающей не по нашему произволу и самохотению, а деятельности, которую можно назвать соработничеством с Богом. И где бы мы ни находились и какое жизненное поприще ни проходили бы, мы должны всегда быть творцами своей жизни, но, творя эту жизнь, умными духовными очами всматриваться в мир иной, откуда исходит все то, что ведет нас по пути любви и неограниченного доверия к Отцу нашему Небесному.

Мы промыслительно делаем здесь на земле именно то дело, которое мы наилучшим образом выполним в пределах достижимых для нас. Нам кажется иногда, что мы

находимся в жизни не на своем месте. Такое иногда и случается, но, главным образом, по нашей собственной вине. Большею же частью, если мы хоть немного понимаем те пути, по которым нас ведет Господь, то оказывается: наша малая или "большая" деятельность является именно тем вкладом, который лучше всего будет вложен нами в дело домостроительства Господня на нашей планете. Нам часто кажется, что лучше было бы, если бы наша т. н. судьба сложилась иначе. Но в подавляющем большинстве случаев это только кажется. Реально дело обстоит несколько иначе, в чем можно убедиться, если внимательно проанализировать историю нашей жизни. "От Господа стопы человеку исправляются, и пути его восхождет зело" (Псалом 36, ст. 23).

Человек, не верующий в Бога, или недостаточно верующий ("верую, Господи, помоги моему неверию!"), или забывающий о Нем, бьется над своей собственной судьбой, растрчивает данное ему от Бога время подчас в непосильной борьбе с так называемыми противоборствующими ему обстоятельствами. Он пытается получить определенное место в жизни, усиленно добивается, например, руководящего положения на своей работе, иногда он ищет и добивается высоких заработков, а иногда, чувствуя себя обойденным или обиженным, хочет добиться какой-то компенсации. И если это ему не удается, а не удается в общем чаще, чем удается, он, принимая это близко к сердцу, начинает бесцельно сгорать, тратя свои духовные силы на в общем невысокие и относительные ценности. Отсюда начинаются нервные заболевания, иногда алкоголизм, наркомания, преждевременная изношенность организма, заболевания раком, смерть от "неожиданного" сердечного удара.

"Что же, — скажут нам на это, — значит, надо пассивно сидеть и ждать "у моря погоды", не проявляя никакой активности в этой жизни? В этом случае, очевидно, будут правы атеисты, утверждающие, что религия ведет к рабской пассивности человеческой личности".

Христианство совершенно не отрицает жи-

тейскую активность человека. Наоборот, оно настаивает на этой активности, утверждая, что наши земные дела входят в ту программу деятельности, которая намечена Промыслом для человека. Только надо, как говорится, знать меру в житейских заботах и не погрузиться в них целиком. Надо уметь бороться за жизнь, добиваться в жизни определенных целей, уметь отстаивать свои убеждения, быть борцом. Но одновременно надо духовно вглядываться в происходящее с нами и стараться отыскать в нем те путеводные моменты, которые подтверждали бы нам, что мы идем по пути промыслительно намеченном для нас и не отошли от него. Но при этом будем всегда помнить, что все происходящее в жизни в конечном итоге исходит от Единого Источника жизни нашей — Бога, ведущего нас к спасительному концу нашей жизни, путями не всегда в данное время понятными для нас.

Но если мы верим в Бога, если мы любим Бога, то мы абсолютно доверяем Ему, не сомневаемся в Его благой воле. И это абсолютное доверие совершенно изменит на-

ше отношение к происходящему, каким бы оно ни было неожиданным и непонятным для нас.

Бывают случаи, когда на человека нападают темные силы. Люди, живущие интенсивной религиозной жизнью, знают, как это случается. Они видят и стараются отразить дьявольские нападения. Но одновременно они знают и другое. Бог иногда попускает (только попускает) дьявольские нападения на нас, попускает искушения, идущие от темных сил, для нашего же укрепления в нашей вере для своего рода "практики" борьбы с темными силами. А эта практика нам необходима, ибо борьба с ними предстоит долгая и трудная и в сей жизни и в будущей. Много случается в нашей жизни понятное и непонятное для нас. Но для того, чтобы правильно пройти по "канату нашей жизни", не оступиться, не упасть вниз, надо не только помнить о Боге, но и абсолютно доверять Ему. И это доверие приведет нас к благому концу, о котором просит Церковь в своих ежедневных молитвах.

Мария ТУРЕЦКАЯ

О ГЛАСНОСТИ И ЛЖИ

Известно, что гласность нужна для выявления истины, она служит как бы освещением, которое дает возможность увидеть дотоле скрытое.

Поэтому гласность смертельно опасна для лжи, и там, где имеет место гласность, лжи нет места.

Так что провозглашение гласности — конечно, подлинной — означает тотальное наступление на ложь и борьбу за правду, истину, справедливость.

Однако это совершенно невозможно осуществить в рамках имеющейся в Союзе системы, ибо нельзя изъять ложь из советской власти, как нельзя выковырять цемент из постройки — она рухнет.

Попытаемся объяснить сей феномен, хотя полагаем, что люди Запада не могут до конца понять особую роль и природу лжи в советской системе. Ложь здесь не простая, а структурная, атрибутивная, т. е. необходимо присущая системе. Ложь и Степанида Власьева (так в России называют советскую власть) неотделимы друг от друга, они близнецы-сестры.

В воспоминаниях Федора Шаляпина есть одно интересное место, где он с удивлением рассказывает, как вдруг изменилась психология русского культурного общества после октября семнадцатого года. Появилась постоянная ложь в отношениях между людьми,

прежде искренними и задушевными. Шаляпин интуитивно нащупал сущность нового строя, его основу. Чутье художника позволило ему увидеть то, что для других в то время еще не было очевидным.

Это свидетельство знаменитого певца дает еще одно доказательство того, что ложь появилась одновременно с коммунистическим режимом.

С тех пор ложь и С. В. никогда не расставались друг с другом. И когда Александр Исаевич Солженицын призвал нас "жить не по лжи", то как бы ни хотели последовать его призыву, у нас ничего не получалось, и вопрос стоял так: либо жить во лжи, либо, если без лжи, вообще, жить не удавалось.

Да представляете ли вы, люди Запада, что означает вынуть ложь из советской власти?! Это означает осуществить величайшую из революций, которых мир еще никогда не знал. Это означает, что гласность должна:

- изменить искаженную историю России и народов, ее населяющих; вернуть на свое историческое место исторических личностей, в том числе и вычеркнутых из памяти народа его "врагов" — "врагов народа", переписать заново все учебники истории и "научные" труды по истории;
- рассказать правду о жизни и деятельности Ленина, включая его приезд в Россию весной 17-го на немецкие деньги, смерть

от сифилиса и все остальное; рассказать честно и до конца о всех злодеяниях агента царской охранки садиста и душегуба Сталина, о его борьбе против своего народа, об истреблении крестьянства, интеллигенции, городского населения, целых народностей; о договоре с Гитлером, который открыл нацистам зеленую улицу на Польшу и затем — Россию, об уничтожении командиров армии, о страшной судьбе советских военнопленных; об истреблении народов Прибалтики, полученной из рук Гитлера; о порабощении народов Восточной Европы и т. д. — списку этому нет конца; рассказать о Гулаге и закрыть его; рассказать об удушении венгерской революции, Пражской весны, польской Солидарности, истреблении народа Афганистана и отпустить на волю преступно захваченных советской властью — прибалтов, поляков, чехов, венгров, болгар, немцев, афганцев и всех остальных; немедленно вывести советские войска из Афганистана, без всякой торговли, без всяких условий;

рассказать, как десятилетиями растили и пестовали международный террор, пытаясь дестабилизировать "загнивающий" Запад; как субсидировали движения "борцов за мир" и сколько все эти удовольствия стоили народам России, ввергнутым номенклатурой в полуголодное существование, пьянство и генетическое вымирание;

- открыть путь литературе, хранящейся в ящиках письменных столов многие годы, что приведет к коренному изменению состава Союза советских писателей;
- рассказать о тайных привилегиях советской элиты, о закрытых продовольственных и промтоварных магазинах, в которых есть все, что душе угодно, по сказочно дешевым ценам; о специальном 4-м Медицинском управлении, в ведении которого находятся больницы и санатории для советских господ, где они получают совершенно бесплатно такое обслуживание, о котором советские люди не могут догадаться даже в своем воображении; о закрытом бытовом сервисе, начиная с пошивочных ателье и кончая обувными мастерскими; о специальных улицах и кварталах, где проживает номенклатура; о закрытых школах и придворных институтах, где учатся их дети, и т. п.

Но рассказать об этих привилегиях означает прикрыть их.

И это все можно сделать, сохранив коммунистический режим?! И элита пойдет на это, пойдет на ликвидацию своих привилегий, отдаст их без боя и стройными рядами

направится стоять в очередях вместе со всем советским народом? Может, сыновей и внуков своих пошлет выполнять "патриотический долг" в Афганистане, чтобы получать их обратно в цинковых гробах, как простые матери в Союзе получают своих детей? Смешно?!

Итак, провозглашение гласности с целью укрепления советской системы с точки зрения логики есть абсурд, а на практике может привести либо к ликвидации самой системы, либо к отторжению системой любителей гласности. Надо полагать, что Михаил Сергеевич Горбачев не глупее нас, простых смертных, — в тех же университетах учился — и все это, безусловно, понимает. Так в чем же дело?

А в том, что пришло время менять существующую экономическую структуру, ибо она больше не может унаться за нарастающей технологической сложностью военной машины Запада. "Как, — скажите, — ведь советская военная мощь оставила далеко позади вооружения Запада!"

Правильно, сегодня это так, но надо мыслить по производной, а она становится отрицательной. Ведь надо учесть, какой ценой обеспечивается военное превосходство СССР. Возьмем несколько примеров. Продукты питания появляются лишь в магазинах крупных городов. Люди с мешками приезжают в Москву, Ленинград, Киев из дальней дали, проделав сотни, а иногда тысячи километров пути. Представляете, какое расточительство ресурсов идет по всей многомиллионной стране, ресурсов людских, транспортных и т. д. А завтра, когда надо соперничать с американцами в проекте звездных войн, совсем перестать кормить людей?

Короче, нет глубокого тыла у советской военной машины, ибо экономика работает на пределе. И еще один аспект военной мощи СССР — промышленный и военный шпионаж. Это, думаете, легко — успевать за идущим лавиной потоком новых открытий, научных и технологических, которые надо украсть на Западе? А сколько это стоит? А сколько людей задействовано? Однако нельзя изменить экономическую систему, не изменив систему политическую, ибо именно политические ограничения препятствуют эффективному развитию экономики.

Большинство партийных боссов в Союзе не знает, что в наше время предпочтение той или иной экономической формации определяется не политическими взглядами, а сравнительным анализом экономической эффективности существующих экономических структур. Они не знают, что законы экономики так же объективны, как и законы природы, поэтому нарушение их бьет по самим нарушителям и выгодно их врагам, их конкурентам.

А Горбачев это знает, он хочет добиться эффективности советской экономики, а для этого надо провести ее либерализацию, сделать более гибкой, раскатать активность производителей, ввести материальное стимулирование — короче, запустить все экономические рычаги, которые будут работать.

Политическую систему, как таковую, он, конечно, менять не собирается — он хочет лишь отсеять те политические ограничения, которые делают экономику нерентабельной. Для этого ему нужна гласность, ибо она, с одной стороны, стимулирует энтузиазм масс, а с другой стороны, очень сильно пугает сидящих на своих привилегиях партийных и советских функционеров. И, главное, можно не сомневаться, что именно гласность поможет вытянуть доллары из карманов лопухого Запада на укрепление советской власти и ее военной машины (здесь всегда срабатывает принцип пресловутой ленинской веревки, продаваемой капиталистами большевикам для повешения продающих).

Затронутая тема неисчерпаема и в пределах небольшой статьи не может быть серьезно рассмотрена, но в конце хотелось бы обратить внимание читателей на совершенно очевидный парадокс, который почему-то не был до сих пор отмечен ни в одной из многочисленных статей, напечатанных о гласности, а именно: коммунистическая система, будучи системой закрытой, по определению несовместима с

гласностью, которая на языке системного анализа означает ни что иное, как наличие многих информационных каналов, связывающих рассматриваемую систему с глобальной, что делает нашу систему открытой. Вывод — введение гласности с необходимостью переводит нас в другую систему — открытую.

Итак, задача укрепления советской системы с помощью гласности не имеет решения. Но если посмотреть на гласность иначе, не относиться к ней так серьезно, если рассматривать ее как управляемый процесс, который касается лишь косметических преобразований системы, то можно приукрасить фасад системы, оставив ее по существу прежней. Можно добиться направленного эффекта, при котором с Западной стороны она выглядела бы вполне пристойной. Это не даст по-настоящему эффективной экономики, но обеспечит поступления все с той же Западной стороны.

Однако здесь имеет место некоторый момент неопределенности. А, если вначале послушная гласность, затем сорвется с цепи, если не даст надеть на себя ошейник и водить на поводке, если начнет действовать по схеме цепной реакции? Надо полагать, и на этот случай предусмотрены соответствующие меры.

Во всяком случае, у нас нет другого выхода, как наблюдать с интересом за разворачивающимися на советской сцене событиями, желая добра народам России.

От редакции: *Границы горбачевской гласности четко определились в эпизоде с отставкой Ельцина: попытка критиковать генерального секретаря обернулась для Ельцина необходимостью партийного покаяния и утратой высокого поста. Перевод с должности первого секретаря Московского обкома КПСС на пост "в ранге министра" не может рассматриваться иначе, как существенное понижение в должности.*

Е. КАРМАЗИН

ОППОЗИЦИОННЫЕ ЗАМЕТКИ

Надо уметь анализировать позицию своего оппонента, потому что никто так глубоко и остро не ставит вопросы, никто так глубоко не отыскивает слабостей в твоей позиции, как твой противник.

М. С. Горбачев

Альтернатива рейганомике — мишанина.

Из горбачевяны

1. СССР — НЕПОГОДЬ

”Непогодь” — так называется повесть Анатолия Генатулина, опубликованная недавно в Москве. Как пронциательно замечает Н. Кузнецова, ”самим названием она отвергает другое обозначение времени — оттепель...” (Р. М. 21. 8. 87).

Действительно, глубокая непогодь ширится по громадной стране, под звон фанфар

гласности. Как сообщает ”Посев”, ”положение в торговле — критическое. Идет своеобразная карательная акция под названием ”операция Торговля”. Следствия, судебные процессы, длительные лагерные сроки, расстрелы за экономические преступления. Сто тысяч исключенных из КПСС за злоупотребления и взяточничество. Заместитель министра торговли С. Саруханов свидетельствует в ”Литературной газете”: ”В последнее время торгов-

ля потеряла 800 тысяч человек. Часть из них отделила перед законом за свои бесчестные поступки, а часть, попросту говоря, дезертировала со своих рабочих мест. Они ушли по разным причинам: одни — поддавшись общему паническому настроению (дескать, было бы желание посадить, а вина найдется), другие — под воздействием общественного мнения, которое в хоровом исполнении выносит приговор всем тем, кто за прилавком". Одна продавщица рассказывает в "Огоньке": "Первые дни не обманывала. Вижу, недостача раз от раза растет. А у меня двое детей. Словом, начала я обвешивать. На пять, на десять копеек. Ну, и все нормально. Стала перекрывать недостачу". В очерке о торговой мафии в "Советской России" говорится: "Прокуратура и Верховный суд проделали огромную работу, размотав клубок преступлений, длившихся более пятнадцати лет. И это еще, как говорится, не вечер. Тома с юридическими повестями о махинациях в торговле не закрыты. Далеко не закрыты. Им еще шелестеть и шелестеть". Зам. председателя Верховсуда СССР С. Гусев пишет в "Труде": "Отмечу, что суды в соответствии с требованиями закона строго наказывают расхитителей. За хищения в крупных размерах к длительным срокам лишения свободы (свыше 10 лет) осуждается около 70 процентов расхитителей, а за хищения в особо крупных размерах — практически все" ("Посев" №5, 1987, с. 29—34).

В "Стране и мире" рассказывается об организованной преступности в Средней Азии: "К началу восьмидесятых годов, когда коррупция и взяточничество опутали многие отрасли, — именно в это время появились первые вооруженные банды. И не случайно. (Началось правление Андропова)... Двадцать и тридцать лет — наиболее расхожий возраст участников бандитских формирований. В прежней своей жизни, до вступления в банду, они, как правило, не конфликтовали с законом. Некоторые состояли членами партии, комсомольцев — было большинство. Многие бандиты получили среднее образование, а некоторые даже высшее... Именно дельцы были той благодатной средой, из которой интенсивно выкачивали капиталы гангстеры. В 1984 г. дельцы Узбекистана переживали самые неприятные времена, потому как буквально на собственной шкуре испытали всю тягость и ужас бандитского террора. Данный факт стал причиной сращивания уголовников с дельцами и крупными расхитителями. Уголовная среда потянулась к дельцам, преследуя цели наживы, и наоборот — дельцы к уголовникам для использования их за щедрое вознаграждение в целях обеспечения охраны, личной и имущественной безопасности, разбора конфликтных ситуаций и

борьбы с такими же дельцами — конкурентами, их запугивания или устрашения. Магнаты нелегального бизнеса при поддержке отдельных партийных и хозяйственных руководителей стали организаторами и главарями "беловоротничковой" преступности. Ныне арестованы бывший министр внутренних дел Узбекистана Яхьяев и почти вся коллегия министерства; не от хорошей жизни покончил с собой преемник Яхьяева Эргашев, и отнюдь не праведные пути привели в тюремные камеры 98 процентов бывших руководителей областных управлений внутренних дел. Во власти взяток оказалась не одна лишь милиция. Шальные деньги просочились в органы прокуратуры, в суды и в адвокатуру, в тюрьмы и даже в колонии усиленного режима" ("Страна и мир" №4, 1987, с. 45—50).

Об индивидуальной трудовой деятельности "Посев" пишет: "За каждым нерешенным вопросом — перспектива нарушений, судебных дел, лагерных отсидок... Если мастер не сумеет свободно приобрести необходимые ему материалы, тот же сапожный гвоздь... Нет гвоздя — нет клиента. Нет клиента — нет заработка. А за патент плати: стоимость патента 325 рублей!.. Осужден автомеханик из Киева, ремонтировавший частные автомобили: запчасти ворованные, в магазине не продавались" ("Посев" №6, 1987, с. 11—13). И далее: "Никто не запрещает открывать частные ателье по пошиву одежды, но откуда взять сырье? Приходится доставать "почерному". А купил краденое — значит сам украл. Открыли пошивочные ателье многие инвалиды и пенсионеры. Этих ОБХСС трясет просто регулярно, т.к. в основном сами пенсионеры ничего не шьют, они просто "крышу" для частной фирмы обеспечивают — неужели инвалидам под силу по черным рынкам бегать в поисках дефицитного сырья. Никто не может до конца разобраться в ребусе об "индивидуальной трудовой деятельности" и в кроссворде о "нетрудовых доходах". К примеру, семейное кафе может открыть каждый, но работать в нем можно только в нерабочее время. Если только по вечерам, так ни денег не заработаешь, ни отдохнуть не успеешь, да еще и налог... Так что это дело годится лишь пенсионерам, но те что-то не очень стремятся. Разрешили авторемонтные мастерские открывать, а заводы и государственный сектор запчастями их обеспечить не могут, так что частника-ремонтника можно смело тащить в ОБХСС за любую починку — наверняка без ворованных деталей не обошлось. Владельцы частных автомобилей тоже обрадовались новшеством и решили заняться частным извозом. Они проработали три-четыре месяца и забастовали — государство желает снять с них налог, который практически оставит их при нулях, а на

некоторые запчасти нужно записываться в очередь за пять лет. Так и говорят автомобилисты — закон для дурачков. Раньше хоть никто не боялся по-черному подвозить — за пару рубликов, а сейчас штат ГАИшников увеличился и проверяют почему зря. Лучше всего положение характеризует такой анекдот. Встречаются два приятеля: Ты где работаешь? — В КГБ. Занимаюсь недовольными. — А у вас есть еще и довольные? — Есть, но ими занимается ОБХСС!» ("Посев" №9, 1987, с. 9—10).

Московский неофициальный бюллетень "Гласность" на ту же тему сообщает: "На владельца легкового автомобиля, подрабатывающего в свободное от работы время извозом, установлен налог в 560 рублей. Легко подсчитать, что только для того, чтобы выплатить этот налог, автомобилист должен провести за рулем около 1000 часов и заработать более 4000 рублей (по 20 копеек за километр, со средней скоростью 50 км в час, при равенстве холостого и коммерческого пробега). Из этих 4000 рублей самому водителю достанется в виде заработной платы около 500 рублей, т. е. примерно по 50 копеек за час труда. Остальное — плата за бензин (по 40 копеек за 10 км), техническое обслуживание по государственным расценкам, амортизация двигателя, шин и кузова, страховка. Учтем и то, что при таком режиме подработки обеспечена ежедневная занятость в 14—16 часов по 5 дней в неделю" (Л. Ионин, Р. М. 2. 10. 87, с. VI).

В речи в Мурманске 1 октября Горбачев рассказал более подробно о некоторых направлениях перестройки. "Обсуждается сейчас вопрос о ценах. Государство платит колхозам и совхозам за поставляемую продукцию в полтора — два раза больше той цены, по которой она реализуется населению. В связи с этим уже в прошлом году дотации по продаже мяса и молока составили 57 млрд. руб. Семьи с большим доходом больше потребляют мяса и молока и, следовательно, они больше используют эти дотации. Если цену хлеба в СССР взять за единицу, то его цена в США превышает в 5,5 раза, в Великобритании — в 3,6 раза, во Франции — в 4,1 раза, в ФРГ — в 4,9 раза.

В сфере управления у нас сейчас занято около 18 млн. человек, из них 2,5 млн. — аппарат различных органов управления и порядка 15 млн. человек — управленческий аппарат объединений, предприятий и организаций. Мы должны основательно подумать над тем, чтобы упростить непомерно разбухший аппарат. Работы у нас в стране много, и каждому найдется дело. Содержание всего аппарата управления — большая статья для экономии национального дохода.

Недавно ЦК и правительство приняли

решение о переводе на хозрасчет научных учреждений. Между прочим, решением Совмина мы закрыли уже два отраслевых института, которые за последние годы ничего существенного не дали экономике". По статистическим данным, в науке занята 4,5 млн. человек ("Экономическая газета" №41, 1987).

По поводу реформы розничных цен напомним нашу статью 10-летней давности: "Что касается повышения цен на мясо и молоко, то хорошо известно, что эти продукты убыточны в СССР и их цены субсидируются государством. Но что означает субсидия? Из собранных с населения прямых и косвенных (налог с оборота) налогов и недоплаченных ему средств, государство тратит определенную сумму на поддержание заниженных цен на продукты. Выгодно ли это рядовому покупателю? Тут нужно учесть, что продукты по низким ценам покупают все, в том числе привилегированные и высокооплачиваемые слои в своих закрытых распределителях, рядовые же покупатели часто и вовсе не могут купить мяса, масла и молока из-за отсутствия их в магазинах. Отсюда видно, что среднему человеку было бы выгоднее, если бы сумма субсидий была обращена на повышение зарплаты у низко- и среднеоплачиваемых слоев, а привилегированная номенклатура не извлекала бы дополнительной для себя выгоды из низких цен на продукты" ("Голос Зарубежья" №8, с. 36).

С другой стороны, в неофициальном московском бюллетене "Гласность" справедливо пишут следующее: "Среди торгующих государственных точек замечаю машину с ящиками капусты. Возле весов — женщина-продавец. Вспоминаю — год назад она здесь же капустой торговала. Тогда капуста стоила тридцать копеек за килограмм. Теперь же один килограмм стоит... рубль тридцать копеек. Цена, как видите, выросла более чем вчетверо. И так на многие сельхозпродукты. Покупатели побогаче молча берут. Покупатели победнее не берут и ругаются: Дороже, чем у спекулянтов, стало! Да что же это делается? Говорят, Горбачев разрешил цены им ломить, вот и ломают!.. Ибо платить в кооперативном кафе на Кропоткинской в Москве только за ужин 15 рублей в состоянии только богачи" (М. Зотов, Р. М. 2.10.87, с. VII).

В другой статье в той же "Гласности" пишется: "Сказано: цены должны быть противозатратными и экономически обоснованными. Что это за зверь такой — противозатратные цены? Так дорого, что никто покупать не станет? Органы госнаба будут теперь торговать, а не распределять. А если того, чем торгуют, — на всех не хватает? Результат — коррупция торгового, административного и

контрольного аппарата. Необходимо поддерживать периодический цикл чисток аппарата. Впору возопить к Совмину — почто искушаешь малых сих? Не ответит. Министерствам следует освободить от оперативного управления и даже — ликвидировать соответствующие подразделения министерств, но вместе с тем — возложить на них ответственность за обеспечение потребностей в продукции отрасли. Т.е. освободить, но условно. Странность положения, когда на госкомтруд возлагается ответственность за обеспечение полной занятости. Он что, этот комитет, станет главным устройтеlem общественных работ — по рытью канав и каналов?” (Б. Бор, Р. М. 2.10.87, с. IV).

Что касается гонения на хозяйственный аппарат, то аналогии напрашиваются. “Московские новости” вспоминают, что сталинская “коренная реконструкция народного хозяйства проводилась невероятными темпами, а отвечать пришлось инженерам, плановикам, снабженцам, хозяйственникам и в первую очередь — технической интеллигенции. При этом демонстрировалось “обострение классовой борьбы”, что использовалось Сталиным — против возможных критиков его политики и ее последствий” (Р. М. 28.8.87). “Знание — сила” замечает, что “индустриальное производство требует иного работника. Что касается инициативы, творчества, то они здесь нужны от не слишком многочисленной группы управленцев, консультантов, специалистов. От остальных в большей степени требуются аккуратность и дисциплина” (Л. Гордон, “Знание — сила” № 9/87, с. 2). “Советская культура”, со своей стороны, напоминает, что истоки перестройки — в деятельности Андропова: “Предпосылки перемен, заложенные уже тогда, в 1983-м, видны вполне отчетливо. Вдвойне интересно, зная уже, как развернутся события, вслушиваться в данные Ю. В. Андроповым определения сложившейся ситуации” (Р. М. 28.8.87).

Печать усиливает атаку на “бюрократов”. “Экономическая газета” пишет, что Ташкентский горисполком разрешил создание кооператива инженеров-программистов, которые должны были обслуживать предприятия. “Но местное отделение Госбанка отказалось открыть “Интегралу” текущий счет. Аргумент бюрократов был, казалось, резонным: в соответствующих постановлениях сказано об услугах частным лицам, “Интеграл” же намерен сотрудничать с государственными организациями. А это, мол, законом не предусмотрено. Выступления печати не могли поколебать упрямства финансистов, пока заместитель управляющего Узбекской конторой Госбанка не распорядилась открыть счет “Интегралу”. (“Экономическая газета” № 39, сентябрь 1987). На ту же тему “Знание — сила”

замечает: “Помните бухгалтера из фильма “Белорусский вокзал”? Он хоть и герой положительный, но своему передовому директору явно мешает, настаивая на выполнении инструкций. “Если инструкция плохая, надо бороться, чтобы ее отменили, а пока не отменили, надо выполнять”. Ведь он прав! Общество испытывает сейчас огромный дефицит работников, очень точно исполняющих свою функцию. Из-за этого и корабли тонут, и АЭС взрываются, и поезда сталкиваются”. (В. Ядов, “Знание — сила” № 9/87, с. 6).

О реформе управления другой корреспондент пишет: “Не дает покоя мысль о будущем. Если сегодня участников оптовой торговли не так много и можно как-то решить проблему дефицита, то как решится вопрос с такой продукцией завтра, когда оптовая торговля станет всеобщей?” (“Экономическая газета” № 40, 1987).

По поводу сокращения расходов напомним и другие цифры: “23 октября Фидель Кастро заявил, что Куба никогда не сможет выплатить свой долг Советскому Союзу и что этот долг, размеры которого он сам не помнит, является чисто теоретическим. По американским оценкам, советская помощь Кубе составляет 4 млрд. долларов в год” (Р. М. 2.10.87).

“Экономическая газета” начала печатать статистическую информацию. К середине сентября в колхозах и совхозах закуплено 7,7 млн. тонн огородной продукции — на 1,3 млн. тонн меньше, чем на эту же дату в прошлом году (ЭГ № 39, 1987). За первое полугодие 1987 г. продано на городских рынках продуктов на 5—10% меньше, чем в прошлом году, а по некоторым продуктам еще меньше: свежий картофель — на 45%, огурцы — на 35%, помидоры — на 32%. Цены выросли на 5—10%, а на картофель, огурцы и помидоры — на 30%. Цены на рынках выше государственных в 2—3 раза (ЭГ № 32, 1987). Штрафы, уплаченные промышленностью, за 1 полугодие 1987 г. — 2,8 млрд. руб. (ЭГ № 39, 1987). На 1 сентября действует 2432 кооператива по бытовому обслуживанию, 30 тысяч работающих, 18,3 млн. руб. реализации (7,5 тыс. руб. в среднем) (ЭГ № 43, 1987). На 1 июля организовано 955 кооперативов общественного питания, численность работающих — 6683 человека (ЭГ № 35, 1987).

В обстановке “непогоди” производятся деспотические мобилизации населения. Как сообщает “Экономическая газета”, в Киеве прошлой зимой “на станциях Киевского узла замерзли стрелочные переводы, а у горожан, мобилизованных на очистку путей, не было даже лопат (а теплой одежды? — спросим мы)... Уже сегодня высвобождено большое число людей и процесс этот (сокращение штатов) продолжается. Не возникнет ли в результате уже известная на примере других

дорог "проблема переезда"? Ведь сейчас с 254 переездов снята охрана" (ЭГ №40, 1987). В той же газете в заметке "Субботник помосковский" сообщается: "Работники всех отделов заводоуправления направляются на благоустройство заводской и городской территорий. Они будут заниматься подготовкой предприятия к зиме, работать на складах... Работники завода будут заняты на овощной базе, в совхозе, в детском саду и на строительстве очистных сооружений" (ЭГ №38, 1987). Миллионы горожан мобилизованы на уборку урожая, в условиях частых дождей и заморозков. Советские власти постоянно ведут пропаганду об "экономических правах граждан", однако эти мобилизации противоречат даже советским законам, не говоря уже о международных пактах о запрете принудительного труда.

Газеты требуют еще более жестоких мер. "Государство нас избаловало. Простудившись, мы получаем больничный лист и окунаемся в домашнюю обстановку, переделываем кучу личных дел, находясь, таким образом, в дополнительном краткосрочном отпуске, оплачиваемом к тому же на 100%. Я бы наказывал простудившихся, да еще дважды" (А. Козлов, конструктор, "Экономическая газета" №43, 1987). — В этой заметке, помимо всего прочего, две неправды: больничный лист получить очень трудно, масса простуженных вынуждены ходить на работу, а 100% получают лишь те, у кого непрерывного стажа свыше 8 лет, что бывает не часто. Другой автор требует нажать на частника: "Любители ловят рыбу, собирают грибы, ягоды и продают населению: рубль — кучка, 50 копеек — стакан, и набирают полные карманы денег. Конечно, недаром говорится: без труда не вытащишь и рыбку из пруда. Но следует установить за это плату. Пусть делятся своим доходом с государством и не забывают, чьим богатством они пользуются" (Ю. Колесников, ЭГ №36, 1987). Еще один автор пишет: "Трудности установления отцовства по суду — тут уже давно назрела необходимость изменений. Внесение в документы, удостоверяющие личность родителей, записи о фактах добровольного отказа от воспитания своих детей. Их следует переселять на меньшую жилплощадь. В сутки родители тратят на общение с ребенком 12—20 минут. Выход должна подсказать юридическая наука" (В. Новичков, кандидат педагогических наук, ЭГ №43, 1987). — Призрак сталинизма бродит по стране...

О тяжелой обстановке в принудительно создаваемых бригадах рассказывает "Знание — сила": "Факт также, что многие бригады на подряде, прежде всего в сельском хозяйстве, да и в промышленности, часто отказываются от распределения по коэффициенту трудового

участия, делают все поровну. Сугубый рационалист строит модель бригады, привносит в их отношения "здоровую конкуренцию": слабых такая бригада немедленно изгонит, каждый будет приглядывать за другим, чтобы никто не смел отлынивать. И такие бригады уже есть, только, как правило, они быстро распадаются, потому что людям в них тяжело. Мы, коллективисты, лучше всех знаем, что коллектив далеко не всегда бывает хорош и не всегда бывает прав. Поэтому надо все же иметь хорошо отлаженный механизм для защиты прав человека от коллектива. Нужны гарантии против формирования слоя "второсортных" работников" (Л. Гордон, Н. Наумова, "Знание — сила" №9/87, с. 5—7). — Непогодь, непогодь...

Выездная сессия Верховного суда СССР рассмотрела в Чернобыле дело о виновниках катастрофы. Процесс продолжался с 7 до 29 июля. Обвиняемые — директор станции В. Брюханов, главный инженер Н. Фомин, зам. главного инженера А. Дятлов, начальник реакторного блока А. Коваленко, начальник смены, работавшей в роковую ночь 26 апреля, Б. Рогожкин и инспектор атомного надзора Ю. Лаушкин — виновными себя не признали, либо же признали свою профессиональную вину, но не вину в уголовном смысле. Их обвиняли в "нарушении правил безопасности на взрывоопасных предприятиях", а также в неприятии должных мер по эвакуации людей из опасной зоны и в проведении эксперимента с нарушением правил. Люди оставались на местах даже тогда, когда радиация достигла 200 рентгенов в час. Более того, все новые и новые работники направлялись в зону. В 6 утра с тяжелыми радиационными поражениями было госпитализировано 108 человек. Через несколько часов после взрыва послали четырех рабочих обследовать состояние 4-го блока, не предупредив их об опасности и не снабдив защитной одеждой. Все четверо умерли. Подсудимые со своей стороны указывали на порочность конструкции реактора. Брюханов, Фомин и Дятлов были приговорены к 10 годам лагерей, Рогожкин — к 5, Коваленко — к 3 и Лаушкин — к 2 годам заключения. ("Страна и мир" №4, 1987, с. 30—31).

30 марта был вынесен приговор В. Маркову и В. Ткаченко, капитанам пароходов, столкнувшихся в Черном море 31 августа 1986 г., когда погибло 398 человек. Капитаны приговорены к 15 годам лишения свободы каждый и к штрафу в размере 40 тысяч рублей. (Р.М. 10.4.87).

10 сентября политбюро рассмотрело сообщение комиссии по расследованию причин крушения поездов, происшедшего в августе 1987 года на станции Каменская Юго-Восточной железной дороги. Прямой причи-

ной явилось отправление грузового поезда с частично отключенной тормозной системой, что привело к наезду электровоза на пассажирский поезд. Катастрофа вызвала большие человеческие жертвы. Прокуратура СССР по факту крушения возбудила уголовное дело. Начальник дороги А. Голиусов снят с работы. Освобожден от занимаемой должности и привлечен к партийной ответственности начальник главного управления вагонного хозяйства МПС С. Барбарич.

4 сентября Верховный суд СССР осудил Матиаса Руста, немецкого летчика-любителя, совершившего 28 мая беспрецедентный полет из Финляндии до Москвы и посадившего самолет на Красную площадь, к 4 годам лишения свободы за "незаконный въезд в СССР, нарушение правил воздушных полетов и злостное хулиганство" (Р.М. 11.9.87).

В рамках гласности советская пресса пишет теперь вещи, ранее невысказанные. Так, Юрий Буртин пишет в "Октябре": "Далеко не сразу стало понятно, что состоявшееся в октябре 64 года смещение Хрущева явилось не простой сменой руководства, но событием, по своим последствиям едва ли не равновеликим XX съезду, но с обратным знаком" (Р.М. 2.10.87).

Доктор экономических наук Г. Попов пишет в "Знании — силе": "Нэп, в соответствии с установившейся тогда традицией, я считал не столько поиском нового, сколько "отступлением" к ряду старых форм. Индустриализацию и коллективизацию я воспринимал не как крупнейшие реформы, проведенные сверху, а как утверждение единственно мыслимых форм социалистического хозяйствования" ("Знание — сила" № 3/87, с. 65).

Член-корреспондент АН СССР П. Волобуев пишет в том же журнале: "Кальвинистский взгляд на историю — доктрина предопределения — вообще малоперспективен. Если встать на абстрактно-теоретическую точку зрения, то надо признать: реформистская альтернатива Октябрю существовала, не случайно в критический момент Ленин прямо ставил вопрос о нескольких часах, от которых зависит судьба революции" ("Знание — сила" № 9/87, с. 11).

Доктор исторических наук Л. Гордон говорит в том же журнале: "У нас индустриализация носила форсированный — это вовсе не значит быстрый — характер. Один путь — это соразмерно пропорциональное, естественное, если хотите, органическое развитие, при котором темп определяется той подсистемой, которая меняется медленнее. Другой вариант — гнать развитие каждой подсистемы в максимальном темпе. Образно говоря, гнали одну лошадь из трех, но они же все в одной упряжке! В доиндустриальных странах фонд накопленный составляет 5—8 процентов национального дохода. Когда его увеличивают

до 20 процентов, это существенно снижает уровень жизни. В первой пятилетке фонд накопления у нас составлял 45 процентов. Такого в мировой истории, наверное, не было никогда. Богатые страны 20 процентов переносят сравнительно легко. И даже 30 процентов. Но в бедной, истощенной двумя войнами и разрухой России скачок к сорока пяти процентам создавал совершенно особую ситуацию. Противоречия эти связаны с форсированным характером ситуации, с природой сталинизма" ("Знание — сила" № 9/87, с. 2—3).

Доктор экономических наук Б. Плышевский пишет в "Экономической газете": "Изда опережающего увеличения расходов по отношению к источникам поступления финансовых ресурсов, по существу, стал дефицитным государственный бюджет. Планы основывались на ненадежных источниках финансовых ресурсов: на форсировании экспорта топлива и сырья и значительном импорте недостающих предметов потребления, реализуемых в стране по повышенным ценам, а также на расширении производства алкогольных напитков... Стремление к завышению цен, свертывание производства необходимых видов продукции, в целях максимализации хозрасчетного дохода предприятий" (ЭГ № 40, 1987).

Член-корреспондент АН СССР С. Шаталин пишет в той же газете: "В СССР измерение экономического роста базируется на показателях национального дохода, создаваемого в национальном производстве. Сейчас все большее число экономистов считает подобную методологию устаревшей. Экономический рост предлагается измерять на основе валового национального продукта, как во всех развитых странах Запада и большинстве развивающихся стран. Суть такого подхода состоит во включении в национальный продукт амортизации и всего объема услуг (здравоохранение, образование, культура, жилищно-коммунальное хозяйство и другие) (ЭГ № 31, 1987). И далее: "Опыт хозяйственного развития дает немало примеров того, что признание преимущественного роста производства средств производства в качестве объективного экономического закона — это дезорганизирующий практику образец затратного экономического мышления. Следование ему способно лишь усугублять дефицит в потребительском секторе экономики" (ЭГ № 32, 1987).

В "Стране и мире" опубликованы материалы о внутрипартийном положении. Это доклад для партактива Москвы, сделанный лектором ЦК КПСС. В докладе говорится: "При подготовке январского пленума планировалось провести его по теме "О кадровой политике". Однако за несколько дней до его

открытия в политбюро сложилось мнение, что этот вопрос для пленума не подготовлен и выносить его на обсуждение рано. Поэтому была определена другая тема: "О перестройке". Текст доклада Горбачева, опубликованный в печати, был утвержден политбюро. Это второй, компромиссный вариант текста. Первый был значительно резче и откровеннее. В частности, в этом первом варианте говорилось о том, что за последние два десятилетия в обществе накапливались кризисные явления. Раньше никогда не признавалось, что при социализме возможны кризисы. В первоначальном варианте отмечалось, что социалистическая система в целом уже не раз переживала кризисы. Таких кризисов было одиннадцать, в том числе — в Венгрии, Чехословакии, Китае, Албании, 5 кризисов в Польше. В настоящее время кризисные явления наблюдаются в Северной Корее. Кризис усугубляется еще и тем, что с точки зрения научно-технического прогресса Советский Союз стал второразрядной державой.

Секретарь московского горкома Ельцин говорил о том, что в стране наблюдается кризис кадров. Образовались династии чиновников, купцов в торговле. Преодолеть коррупционность в советском обществе можно лишь одним способом — продвигать в управление рабочих после их соответствующей подготовки. С перестройкой дело обстоит непросто. Подавляющее большинство заставить перестроиться — невозможно: переговорившие лампочки вряд ли загорятся вновь. Проблема компетентности остро стоит и в отношении партийного аппарата. Сколько человек в партийных комитетах не справляются со своими функциями? "Этот вопрос я хочу задать и Горбачеву: сколько таких людей в аппарате ЦК? (Горбачев не отвечает). В московском горкоме таких людей 30, в ближайшее время от них избавимся". (Но избавились от Ельцина. Он снят с поста. Когда автор писал свою статью Ельцин еще не был снят со своего поста. — *Прим. ред.*)

В других выступлениях отмечалось, что трижды меняли стратегию перестройки. Первоначальная установка — проведение перестройки за счет научно-технического прогресса. Было решено инвестировать средства в реконструкцию устаревших предприятий, а не в строительство новых. Однако решение это натолкнулось на застойность отдельных предприятий и отраслей и всего хозяйственного механизма в целом. Реформа хозяйственного механизма стала новой стратегией перестройки. Двумя главными ее направлениями стали самофинансирование и хозрасчет. Однако реформа не удалась, до сих пор она остается только на бумаге. Самофинансирование упирается в жесткую систему планирования и снабжения, а хозрасчет — в политику

цен, которые не отражают затрат труда и потребностей общества. И, наконец, еще одно изменение стратегии — развитие (выборной) демократии на производстве, большую роль в этом процессе должен сыграть закон о предприятиях.

Возникают проблемы и с введением закона об индивидуальной трудовой деятельности. Ею уже сейчас выразили желание заниматься 40% трудоспособного населения. У многих возникает вполне понятный соблазн: поменьше работать на своем основном рабочем месте и побольше — индивидуально. Путь к преодолению такой диспропорции пока не ясен. Одна из самых главных проблем — это проблема молодежи: "Тех, кому сейчас от 15 до 30, мы потеряли. И в то же время завоевать их необходимо, поскольку кроме них осуществлять перестройку некому". В 1988 году будет созвана Всесоюзная партийная конференция. Такая конференция, как известно из устава партии, созывается для того, в частности, чтобы обсудить разногласия в ЦК. Если перестройка не будет осуществлена, то положение обороноспособности страны будет — хуже некуда. Если в самое ближайшее время не осуществляются задуманные перемены, то в 1987—88 годах равновесие сил будет нарушено в пользу США" ("Сим" № 4, 1987, с. 38—40).

В "Русской мысли" публикуются записи выступлений видных журналистов в Москве. В одном из них говорится: "Сегодня уже в самой партии под вывеской КПСС существуют две партии. Социальная база перестройки — рабочие высшей квалификации, научно-техническая интеллигенция — частично, часть творческой, гуманитарной интеллигенции, часть низшего слоя партаппарата и хозяйственных руководителей" (Р.М. 7.8.87). В другом было сказано: "О названиях городов, улиц, площадей. Уже физически ощутимыми становятся потери в этой области. Как-то неуютно стало без Вятки, Ижевска, Твери, Рыбинска" (Р.М. 4.9.87). Напомним, что Вятка — это Киров, а Тверь — Калинин; Ижевску его имя уже возвращено.

Кампания против Г. Алиева, о которой мы сообщали ранее, подошла к концу. 24 сентября политбюро приняло беспрецедентное решение "согласиться с предложением Совета Министров СССР о ликвидации Азербайджанского института народного хозяйства. В вузе на низком уровне ведется подготовка специалистов, выявлены грубейшие нарушения установленного порядка комплектования студентов. В коллективе сложилась неудовлетворительная морально-психологическая атмосфера". И, наконец, Пленум ЦК 21 октября постановил освободить Г. Алиева от обязанностей члена политбюро "в связи с уходом на пенсию по состоянию здоровья".

На сессии Верховного совета 20 октября были внесены изменения в закон о порядке обжалования в суд неправомερных действий должностных лиц, ущемляющих права граждан, который был принят на предыдущей сессии 30 июня (само по себе это беспрецедентно). Правительство согласилось убрать из закона наиболее явные несправедливости — теперь решение народного суда не является окончательным, а может быть обжаловано по правилам гражданского судопроизводства, то есть процесс теоретически может быть доведен до Верховного суда. То же относится к определению судьи об отказе в принятии жалобы к рассмотрению. Кроме того, теперь гражданин не обязан предварительно обжаловать действия должностного лица в вышестоящую инстанцию, а может обратиться, по своему выбору, непосредственно в суд. К сожалению, в законе осталась полная неясность, какие же именно действия должностных лиц могут быть обжалованы в суд, а какие — нет, а также возможность возложения на граждан громадных судебных издержек по усмотрению суда. Нелепым выглядит 10-дневный срок для рассмотрения жалобы, когда народный суд, при отсутствии предварительного следствия, не успеет даже изучить сложные ведомственные инструкции и получить возражения ответчика на жалобу. Все же докладчик секретарь ЦК Г. Разумовский заявил в Верховном совете, что "необходимо накопить опыт применения закона на практике, а затем, если возникнет необходимость, внести в него и какие-либо другие изменения". Так или иначе, не считая гласности, этот закон пока является единственным добрым делом горбачевской эпохи.

На той же сессии утверждены Указы Президиума Верховного совета за период от 10 июля до 12 октября — об уголовной ответственности за захват заложников, об изменениях основ земельного законодательства, о мерах профилактики заражения вирусом СПИД, о расширении льгот работающим беременным женщинам и женщинам, имеющим малолетних детей, об ответственности за потравы посевов в колхозах и совхозах, о внесении изменений в Воздушный кодекс (после полета Матиаса Руста) и о внесении изменений в основы исправительно-трудового законодательства. Злой насмешкой над гласностью служит этот сталинский порядок принятия указов незадолго до сессии, чтобы избежать даже номинального обсуждения их и опубликования в открытой печати, хотя в докладе об указах утверждается, что "все они своевременно были опубликованы". Как первый шаг в духе гласности в этом вопросе, мы предлагаем обязательно указывать в тексте законов об утверждении указов, где именно были опубликованы эти указы. Впрочем, об

одном из этих указов кое-что рассказано на сессии: "Жителям городов и поселков предоставляется возможность использовать пустующие дома и приусадебные участки в сельской местности. В настоящее время в ряде районов страны имеются сотни тысяч заброшенных домов. Если всем этим распорядиться по-хозяйски, ввести в оборот, то можно получить заметную прибавку к столу трудящихся. Есть тут и другая, не менее важная сторона. Это — отдых, здоровье людей". Насколько нам известно, при этом имеется в виду обязательная работа в колхозе, кроме своих приусадебных участков и кроме 41-часовой недели на производстве. О каком уж здоровье тут можно говорить...

Наконец, наблюдается сближение между гоминдановским Тайванем и коммунистическим Китаем. "14 октября власти Тайваня отменили просуществовавший 38 лет запрет для граждан страны ездить в КНР" (Р.М. 23.10.87). Еще ранее, на вопрос американского корреспондента тайваньскому президенту Чан Чин-куо "Как поступит Тайвань в случае вооруженного нападения на континентальный Китай?", президент (сын Чан Кай-ши) ответил: "Там живут наши братья, и мы исполним наш патриотический долг" (Free China Weekly, June 1980, "Посев" № 11, 1981, с. 41).

2. ЭМИГРАЦИЯ — БЛЕСТКИ ВО ТЬМЕ

В эмигрантской прессе гласность пока не появилась, лишь изредка нестандартная информация прорывается через запреты на темы и индекс авторов.

О Горбачеве. По мнению М. Каганской, "не объективные, а какие-то субъективные причины заставили Горбачева провозгласить гласность и перестройку; 1985 год никакими особыми экономическими трудностями не отличался от 1984-го; государство не было ближе к тупику или развалу; следовательно, вся энергия этой новой "оттепели" исходила действительно от одной-единственной личности — самого Горбачева" (22 № 54, с. 138). (Мы держимся того же мнения о роли личности в истории).

В. Малинкович считает, что у Горбачева "прекрасный мозговой трест — Бунич, Заславская, Аганбегян — в экономике. То есть у него совсем неплохой коллектив специалистов, вполне компетентных людей, которые могли бы ему подсказать, что делать" ("Форум" № 17, с. 67). Мы держимся противоположного мнения. "На робкий вопрос интервьюера: значит, верхи и низы желают реформ, а среднее звено как бы противится им? — Аганбегян ответил: почему как бы? — действительно противится" ("Страна и мир" № 3, 1987, с. 56). Уместной здесь была бы цитата из члена-корреспондента АН Г. Заварзина: "Типичным примером наведенного лидерства

была лысенковщина в советской биологии и аналогичные попытки в других дисциплинах. Разрушительный результат такой деятельности вполне оценен историей” (“Знание — сила” № 5/87, с. 62). В отличие от действительно отличных промышленных советников Хрущева (мы не знаем, кто они, но судим по результатам), нынешний “мозговой трест” решил, по примеру Сталина, “разрушать хозяйственный аппарат”. В ожидании лучшего термина, их деятельность можно было бы оценить как “маниловщину”.

Об эмигрантской литературе. В нашем журнале неоднократно критиковали книги и статьи В. Чалидзе. Приведем отрывок из превосходно написанной рецензии Ю. Штейна на книгу Чалидзе “Будущее России”: “Чалидзе вычислил, что нынешняя Россия это “правая диктатура с правой тенденцией развития, но будущее рано или поздно должно привести к еще большему растяжению иерархической пружины”. Это ж надо, что ждет Россию... Как в той песне: Правая, левая где сторона?... Где-то в глубинах своего подсознания ощущает Чалидзе шаткость, логическую уязвимость применяемой им экспериментально-физической методологии: “Нет ли здесь логического подвоха? — спросит читатель. — Не вижу”. Но читатель пошел дотошный. Того и гляди увидит” (“Грани” № 142, с. 295—296).

Не раз мы не соглашались со статьями С. Чертока. Вот что о нем пишет О. Суркова: “Я знала Чертока как бойкого журналиста... Все критерии оценок и даже сама лексика выдают в Чертоке послушного ученика владельцев тех кабинетов, которым он достаточно цинично служил... Утомительно и скучно ловить Чертока за руку, едва ли не в каждом абзаце, — слишком вздорны и безграмотны его заявления, слишком далеки они от истины... Не будем придирааться к неуклюжему слогу автора... Ответ исследователя оказался либо, мягко говоря, неоригинален, либо возмутительно вздорен и невежествен” (“Синтаксис” № 17, с. 161—190).

Писали мы также о невыносимых книгах Алешковского, которые превозносятся американскими и диссидентскими критиками. Вот другие отзывы: “Дать ли нам волю своей фантазии, хотя бы ее плоды были отвратительны до тошноты, как у Алешковского” (Ж. Нива, “Внутренние противоречия” № 16, с. 221). И еще: “Алешковский прикидывается простаком, в результате чего его проза проваливается полностью, вся, от начала до конца” (А. Кустарев, “Синтаксис” № 17, с. 211).

В нашем журнале писали также о рассказах Ю. Милославского. Приводим мнение А. Кустарева: “Проза Милославского — не очень утешительное чтение, она не вызывает у

меня ни интереса, ни удивления, и вообще никак меня не тешит. Она кажется мне скучной, местами маловразумительной и информативно бледной. Рассказы его, ко всему прочему, бессюжетны и недостаточно колоритны... Если я все же решил откликнуться на прозу Милославского, то я просто обязан сказать о ней действительно все” (“Синтаксис” № 17, с. 211—214). Соглашаясь с рецензентом, мы должны отметить, что он не сказал ничего о книге Милославского “Укрепленные города”, которая рассказывает о диссидентско-эмигрантской жизни. Первая часть ее вызвала большой интерес и бурную дискуссию в журнале “22”, а вторая часть, опубликованная лишь в отдельном издании, уж никак не бессюжетна: героиня кончает самоубийством, не вынеся жизни в Израиле.

С. Юрченко в “Нашей стране”, упоминая популярного в 20-х годах писателя Малашкина, пишет: “Мы все чаще встречаемся теперь со скоропалительными рассуждениями нынешних образованцев: все в русской и тем паче в мировой литературе, что выходит за сферу их куцых знаний и их бедного опыта, представляется им отжившим, забытым, никому не нужным” (Н. С. 5.9.87). С. Юрченко, конечно, прав. Но следует учесть, что в послевоенное время вся литература времен нэпа и даже более поздняя — была изъята, в ходу был только сталинский стиль, о котором А. Жолковский замечает: “Не откажу себе в удовольствии процитировать пародию на Сталина, имевшую устное хождение в Москве в 60-е годы (акцент опускаю): “Международные авантюристы потому и называются международными авантюристами, что они пускаются во всякого рода авантюры международного характера. Спрашивается: почему они пускаются во всякого рода международные авантюры? Они пускаются во всякого рода международные авантюры потому, что, будучи международными авантюристами по своей природе, они не могут не пускаться во всякого рода международные авантюры” (“Синтаксис” № 16, с. 128). В такой литературной атмосфере мы переклочились на изучение новейшей истории и права, что потом дало себя знать в правозащитном движении.

Г. Дризлих в журнале “22” публикует остроумные пародии, например в № 52 — “юбилейно-ироническое” (сожалею, что недостаток места не дает нам возможности процитировать), а в № 53 — о полемике вокруг автобиографического романа А. Сивянского “Спокойной ночи”. В этой последней автор забавно называет свой журнал “Уловка 22”, а конкурента — “Время и деньги”. Тут, однако, возразим ему. Действительно, один период “Время и мы” напоминал мяч с выпущенным воздухом, теперь

журнал набрал скорость и публикует очень интересные материалы; напротив, "22" в последних номерах не дает никакой информации — ни уму, ни сердцу.

В "Русской мысли" опубликованы некрологи Леонида Ржевского (30.1.87) и Ивана Елагина (6.3.87) — и оба без даты смерти. Равнодушие и к памяти покойных, и к интересам живых читателей. Сообщаем эти даты: Ивана Елагина — 8 февраля 1987 г. (благодарим "Посев" №4, 1987 и "Нашу страну" от 18.7.87), Л. Д. Ржевского — 13 ноября 1986 г. (НРС 15.11.86).

6 марта "Русская мысль" напечатала большую статью о выступлении Горбачева 28 февраля, опустив, однако, весьма важный факт. Вот что пишет на эту тему "Посев": "28 февраля Горбачев выступил с заявлением по ликвидации ракет средней дальности в Европе. Он упомянул сразу же, что выступает в качестве председателя Совета обороны СССР, который ему поручено возглавлять" ("Посев" №4, 1987, с. 29). В "Голосе Зарубежья" №43 мы уже отмечали, что "Русская мысль" назначила на эту должность маршала Огаркова. Теперь она замалчивает официально опубликованные факты, лишь бы не признаться в ошибке.

Напротив, в "Синтаксисе" №17 наконец опубликована статья А. Синявского "Чтение в сердцах", ходившая по рукам в самиздате, о чем мы выражали недоумение в "Голосе Зарубежья" №44.

В феврале 1987 г. в Дрибургском университете состоялась литературная конференция, материалы которой опубликованы в "Синтаксисе". Приводим выдержки из выступления Д. Савицкого: "Запад для многих — это последний берег. Те, кто умудрились выжить и не впасть в конформизм в Союзе, удивительно быстро становятся конформистами здесь, в Парижах и Нью-Йорках. Все заслоняют узкогрупповые интересы. Нужна объективность суждений, нужна литературная борьба в том смысле, в каком она существует в цивилизованном мире. Вместо этого мы имеем два-три клана, скучно сводящих друг с другом застарелые счеты, и западный русскоязычный самиздат, который старается преодолеть и цензуру бывших жертв цензуры, и распри тех, кто стал нашей диссидентской номенклатурой. Ни рекламирующая фарфоровые зубы нью-йоркская НРС, ни польская музыкальная газета, издающаяся на русском языке в Париже под названием "Узкая мысль", — не отвечают этим требованиям. Рецензии на выходящие книги отражают узкоклановую политику. Как и в СССР, односторонность мнений и суждений и прием **замалчивания** в полном ходу. В конце концов для полета нужны два крыла. Русская же пресса пытается лететь на одном, и ее

потуги смешат и пугают. То, что происходит в русскоязычной прессе, за редкими исключениями, напоминает дурное отражение современности. Умалчивание и запрет на имена — факт позорный. Можно ли жить **здесь** на политический капитал поступков **там**? И можно ли быть **профессиональным** диссидентом?" ("Синтаксис" №18, с. 158—163).

Почти то же самое замечает Е. Г. Эткинд: "Бывает и так, что человек решается на борьбу внутри общества, на сопротивление, — он становится диссидентом и ведет себя бесстрашно. Его принуждают к эмиграции, он приезжает на Запад — и вдруг здесь, на свободном Западе становится трусом. Причины те же: отступить больше некуда. Раньше за его спиной была еще граница, эмиграция; теперь остался только тот свет. Остается идти на сделку с собственной совестью" ("Время и мы" №92, с. 186).

О недостатках на Западе. Редакция "Время и мы" пишет: "Дороговизна лечения становится национальной проблемой США. Трудно сказать, проистекает ли это из частного характера американской медицины — медицина как бизнес, или ее мафиозности в американском обществе, когда существует как бы молчаливое соглашение врачей относительно непомерно высоких цен. Сотысячные долги госпиталям за перенесенные операции, предъявляемые врачами счета на 400—500 долларов за одно посещение сегодня выглядят обычными в американской медицинской практике" (ВиМ №93, с. 162—163). Заметим, что таковы только США. В Канаде и Европе положение другое. Новейшие эмигранты-правозащитники Т. Осипова и И. Ковалев говорят: "Мы совсем не знали, что в Германии*, Дании бесплатное высшее образование и бесплатная медицинская помощь. Мы не имели представления об уровне социального страхования в Австрии и Дании" (Р.М. 8.5.87). Добавим, что и в Англии — бесплатная медицинская помощь (но плохо организованная), а во Франции — прекрасно устроенная медицина, где 3/4 расходов на врачей, больницы и лекарства покрывает социальное страхование, в то же время сохраняется свобода обращения к любому врачу. Странно, что западные радиостанции никогда не рассказывают об этом советским слушателям (под влиянием США?).

"Страна и мир" рассказывает о школьном образовании в США и Канаде. "До начала 70-х годов школьное образование в США и Канаде соответствовало европейскому образцу. Затем началась пора либерализации. Понятие элементарной дисциплины в школе отсут-

*В Германии высшее образование не бесплатно. Дети богатых родителей должны платить, но малосостоятельных освобождают от платы и дают стипендии. — *Прим. ред.*

ствуется, и даже самый хороший преподаватель тратит половину времени на то, чтобы убедить учеников прислушаться к его словам. Не существует никакой обязательной суммы знаний, минимума, с которым должен выйти из школы ученик. Сейчас детей учат читать слово как картинку, целиком. В результате многие запоминают некоторое ограниченное количество таких картинок и на этом останавливаются. Встретив новое слово, они не могут его прочесть. Эти-то люди и составляют армию полуграмотных. Подход к обучению как к игре, забаве, которая не должна причинять никаких неприятностей, приводит к тому, что при малейшей трудности ученик меняет программу, благо это не возбраняется. Если ему неохота решать задачки с бассейнами, он и не решает, а берет вместо этого скучного и трудного предмета что-нибудь животрепещущее, вроде "Правовых проблем гомосексуалистов и лесбиянок" (весьма модная тема). Не обязательно принадлежать к вышеназванной группе, такой ученик будет прекрасно разбираться в ее моральных и прочих проблемах, но так и не научится считать, не сможет сложить без карманного компьютера двузначные числа" (О. Максимова, СИМ №2, 1987, с. 98–99).

"Время и мы" публикует новые материалы об Израиле. "Сионистский истеблишмент и Еврейское Агентство на своих заседаниях потратили в десять раз больше времени на споры о своих зарплатах, чем о судьбах гибнущего еврейства Европы — это можно найти в недавно вышедшей в Тель-Авиве книге израильского историка Дины Порат "Руководство в западне". В этой же книге утверждается, что проблемы спасения гибнущего еврейства стояли — в лучшем случае — на четвертом месте у Еврейского Агентства. Более того, Еврейское Агентство даже срывало сбор средств на спасение евреев, так как это конкурировало со сбором средств на

развитие еврейского поселения в Палестине. Во времена массовой иммиграции в Израиль в конце 40-х — начале 50-х годов израильские власти цензурировали и перехватывали письма иммигрантов, в которых не лучшим образом описывалась тогдашняя реальность, что содержится в книге ведущего израильского журналиста газеты "Гаарец" Тома Сегева "1949", изданной в Иерусалиме" (И. Ш. ВиМ №94, с. 174). "Только что вышедшая, переведенная на основные европейские языки и сразу ставшая бестселлером книга Тома Сегева "1949. Первые израильтяне" — вызвала у молодых израильтян и зарубежных евреев ощущение электрического шока. Среди всего прочего, в книге рассказывается о категорическом нежелании европейских евреев после войны и Катастрофы ехать в Израиль, о том, как их туда заманивали посулами, обманом и шантажом, о том, как, приехав, они начали немедленно рватьсь обратно, а их помещали в "спецпоселения", обнесенные колючей проволокой, со сторожевыми вышками. Приводится высказывание английского журналиста, побывавшего в таком поселении: "В историческом смысле, наличие подобных лагерей в Израиле — самая страшная ирония, какую только можно себе вообразить. Евреи держат евреев в лагерях. Кажется, они не сделали никаких выводов из собственной трагедии" (Е. Манин, там же, с. 197). "По поводу ежегодного еврейского заклания "В будущем году — в Иерусалиме!" Важное дополнение к этой фразе: еврей говорит не просто "бирушалаим", а "бирушалаим абнуя", то есть "в будущем году — в **восстановленном Иерусалиме**". Иными словами, это призыв Мессии, а не обещание переселиться в Палестину. Более того, согласно ортодоксальной традиции "самовольная" алия может лишь помешать приходу Мессии" (Е. Маневич, там же, с. 204).

Д. ШТУРМАН

"НИЧЕГО НЕТ ЛЕГЧЕ!"

(Окончание. Нач. в №46)

У Маркса и Энгельса тоже имеется рекомендация не совершенствовать после революции "государственную машину", а сломать ее и функции высшего стратегического управления поручить пролетариату. Чиновников же, составляющих государственный аппарат, на недолгое время, пока государство не отомрет, Маркс и Энгельс советуют низвести на положение простых исполнителей, скромных слуг общества, контролируемых рабочими. Таким образом, различие между Сен-Симоном и Карлом Марксом в этом вопросе сводится

к тому, что они рекрутируют своих идеальных управляющих из разных слоев общества: по Сен-Симону, это буржуазия и интеллигенция, по Марксу — пролетариат. Легко заметить, что Сен-Симон в этом вопросе несколько реалистичней Маркса: пролетариат по своей классовой роли еще менее способен и подготовлен к администрированию, чем буржуазия и интеллигенция.

Но в конечном счете и Сен-Симон в этом своем воззрении утопичен: изо дня в день эффективно совмещать свою профессиональ-

ную классовую деятельность с администрированием общегосударственного порядка (как того требует Сен-Симон от предпринимателей, коммерсантов, финансистов, ученых, философов и людей искусства, а Маркс — от пролетариев) не может в современном обществе ни один его слой. Современному государству необходимы профессиональные руководители и администраторы. Речь может идти лишь о приближении последних к интеллигенции по уровню образованности и общей культуры, но и образование управляющих становится все более специализированным. Важно, кем и как избираются и переизбираются лица, действительно исполняющие функции всенародной власти. Есть ли у них на выборах настоящие конкуренты? Свободна ли гласность и **узаконена ли оппозиция между выборами**? Но этим вопросам Сен-Симон внимания не уделяет. Он глубочайше уверен (и в том ему следуют Маркс, Энгельс и дооктябрьский Ленин), что уже к началу XIX столетия задачи управления государством, обществом и его хозяйством в силу всеобщей и все возрастающей цивилизованности упростились до крайности.

Еще в начале XIX века стало, по мнению Сен-Симона, "и небольшой затраты сил достаточно для поддержания общественного спокойствия; большинство полюбило труд (а это исключает всякое стремление к беспорядкам) и состоит в наше время из людей, уже доказавших свою способность управлять движимой и недвижимой собственностью" (С-С, т. II, стр. 326).

Многократно повторяя, что частной собственностью следует наделить как можно большее число граждан и что французы начала XIX столетия созрели для такого перераспределения их национального достояния, Сен-Симон тем не менее предельно централизует и этицизирует ("огосударствливает") распоряжение этим, казалось бы, частным имуществом. Иными словами, он предусматривает очень высокую степень упорядоченности в распоряжении частной собственностью, причем упорядоченности централизованной, вплотную приближаясь к прусскому этицистическому социализму О. Шпенглера и к марксизму. Но культу чиновника, присущему Шпенглеру, и культу пролетария, характерному для Маркса, соответствует у Сен-Симона культ философа, промышленника, ученого и артиста.

Если бы меня попросили ответить, недолго думая, что представляется мне главным в утопии Сен-Симона, я бы, пожалуй, сказала так: жизнерадостное упрощение всего и вся и проистекающий из этого упрощения беспочвенный оптимизм.

Миром природы, общества и человека управляет один закон — закон всемирного

тяготения. Все явления и плоскости бытия подчинены одному и тому же набору немногочисленных и простых правил. Все процессы в природе, в обществе и в человеке поддаются исследованию, постижению и упорядочению. Сен-Симон их постиг и знает, посредством каких нововведений можно их упорядочить: это "**вопрос, который очень просто и легко разрешить**". Хорошо изучив себя, ты постигаешь все человечество. Золотой век не позади нас, а впереди. Все движется от худшего к лучшему. Человечеству предстоит долги, хотя и не бесконечные, тысячелетия счастья, если оно мирно примет открытую Сен-Симоном простую и гармонически совершенную систему самоорганизации. Несколько толковых комиссий, составленных из интеллектуалов и буржуа, философов и людей искусства, легко выработают за общество, для всех и каждого, наилучшие кодексы их интересов и чувств, а также спроектируют и будут безошибочно проектировать в дальнейшем их деятельность. И общество начнет со счастливой готовностью в огромном большинстве своем исповедовать эти кодексы и вершить предложенные ему дела, чем обеспечит свое процветание. Не исключено, что мир, действительно, управляется относительно немногими и простыми законами. Но эти законы реализуются в бесчисленных и разнообразных комбинациях, не знающих абсолютной тождественности друг другу, чего Сен-Симон не чувствует.

Нелицемерно исследовав свое "я" со всеми его озарениями, подпольями и лабиринтами, можно и в самом деле многое узнать о других людях, о человеке как таковом. Не случайно один из наиболее общих нравственных принципов — главная заповедь великих религий — гласит: не причиняй другому того, чего ты сам не хотел бы претерпеть от других. Но означает ли это, что следует всех мерить на свой аршин и предполагать, как это делает Сен-Симон, во всех людях свои побуждения, мораль, этику, цели?

Чем свободней и плюралистичней общество, чем лучше работают в нем механизмы удовлетворения разноречивого спроса его сочленов, тем судьбоносней для всех и каждого содержание этого спроса. Сам конкурентный рыночный механизм не имеет моральных и экологических критериев и удовлетворяет практически любой платежеспособный и технологически реальный спрос. Поэтому так важно знать, **что** полезно и нравственно у него просить. Заявленная Сен-Симоном (ему казалось, что решенная им) задача **цивилизации** спроса (возвышения наших интересов и чувств), действительно, первостепенно важна. Но если поставить, как того требует Сен-Симон, над обществом некую олигархию и сделать ее критерии

обязательными для всех и каждого, общество окажется у нее в плену. Претензия же этой инстанции — централизованно вырабатывать за весь народ мерил, интересы и вкусы — неминуемо сделает ее управление произвольным и деспотическим, ибо иначе, как мнимо и произвольно "решать" нерешимые задачи нельзя.

На самом деле задача состояла и состоит в построении или сохранении и совершенствовании такого общества, которое имело бы внутри себя механизмы оперативного удовлетворения своего разноголосого спроса и одновременно достаточно хорошо (последнее оказывается труднее всего) справлялось бы с опасными для себя тенденциями этого спроса. Достаточно хорошо — для чего? Для сохранения своей устойчивости, нравственного здоровья, безопасности и одновременно — свобо-

ды своих граждан и групп. Свободы — в пределах, не угрожающих благополучию окружающих, и устойчивости — в пределах, не исключающих плюрализма и совершенствующей изменчивости. "Простого и скорого" решения у этой задачи нет. Эта задача рождается постоянно и разрешается с большим трудом, с тяжелыми издержками, чаще хуже, чем лучше, конкурентной демократией (в том числе — в форме конституционной монархии) повсеместно и ежечасно. Но когда прекращается конкуренция и какая-то сила присваивает себе монопольное право определять за все общество, что ему нужно и чего не нужно, демократия умирает. И вместе с ней умирает надежда на удовлетворительное решение упомянутой выше перманентной задачи.

В. ПИРОЖКОВА

СОЮЗ МИРОВЫХ ДЕРЖАВ ПРОТИВ... СТАРИКОВ

Друзья по судьбе, те, кто принадлежит к так называемой второй эмиграции, вспомним, как тогда было.

Прошу заранее извинение у читателя, что описание общего положения я буду перемежать с личными воспоминаниями. Конечно, эти последние у всех были несколько иными, но, вероятно, многие найдут общие элементы. Тех же представителей третьей волны, которые являются людьми доброй воли, прошу внимательно прочесть эту статью. Ведь они понятия не имеют, как тогда было, и толкуют нередко вкрявь и вкось просто по незнанию.

Чем дальше шел 1944 год, тем яснее становилось, что война идет к концу и Германия проигрывает. Надежды очень многих русских антикоммунистов все усиленнее обращались на Запад. Началось это движение умов уже гораздо раньше. По мере того, как становилось все яснее, что ослепленное своей варварской расовой теорией национал-социалистическое руководство не пойдет на союз с русскими антикоммунистами для борьбы против большевиков, что оно предпочитает безумно уничтожать мирных евреев, среди которых было тоже немало антикоммунистов, вместо того, чтобы собрать воедино антикоммунистов всех национальностей, по мере того, как росло разочарование, а у тех, кто видел перед своими глазами больше, и ужас, росла надежда на помощь свободного западного мира. Человек не может жить без надежды. Еще в Пскове при немецкой оккупации мне сказал один молодой рабочий: "Коммунисты провалились на социальном вопросе, наци-

онал-социалисты провалились на национальном вопросе, остаются теперь западные демократии".

Мне приходилось говорить с власовскими офицерами, которые были уверены, что западные союзники переймут Власовскую армию целиком. Были и такие, которые думали, что война против Гитлера прямо перейдет в войну против Сталина. Большинство, видимо, думало не так прямолинейно, но надеялось на сохранение, хотя и разоруженной, армии, т. к. она будет нужна для дальнейшей борьбы против коммунизма. "Настоящая борьба против коммунизма еще впереди", — сказал мне один профессор истории Киевского университета, который тоже уже находился в Германии и присоединился к власовцам. Почти все считали союз между тоталитарным коммунизмом и западными демократиями противостоительным, навязанным им Гитлером, который в своем безумии напал буквально на всех. Ведь даже США объявила войну гитлеровской Германии. Что же западным державам было делать? Они невольно стали союзниками СССР. Но очень многие были уверены, что этот союз противоестествен, вынужден и развалится сразу же, как только будет низвергнута гитлеровская Германия.

Под немецкой оккупацией мы только понемногу понимали, до какой степени многие немцы, находившиеся на руководящих постах, были фактически неосведомлены о том, что такое коммунизм, о том, что СССР — не Россия, о том, как народ ненавидит коммунизм. Прежде многие из нас были уверены,

что культурный Запад знает о положении вещей. Среди немцев были, правда, еще офицеры, служившие раньше в царской армии, жившие в России, знавшие ее и понимавшие, что такое коммунизм. Они и старались наладить сотрудничество с русскими антикоммунистами, они делали все, что могли, для создания Власовской армии. Но их усилия постоянно перечеркивались безумными вожжами, которые были не только ослеплены варварской идеологией, но и фактически ничего не знали о России, русских и коммунизме.

Но потом оказалось, что немцы знали еще сравнительно много. Конечно, это не относится к самому Гитлеру, человеку вообще малообразованному и к тому же австрийцу, с ранней юности имевшему предубеждение не только против евреев, но и против славян.

Но американцы не знали ровно ничего. "Если вы недовольны Сталиным, отчего вы его не переизберете?" — говорили русским эмигрантам те, которые вообще нисходили до разговора.

Никто из нас не знал, что наша судьба была уже предрешена в Ялте. Очень часто упускается то обстоятельство, что выдаче подлежали **все** советские граждане, находившиеся тогда на территории Германии, а не только власовцы и казаки или вообще те, которые взяли в руки оружие для борьбы против коммунизма. Выдаче подлежали также **все гражданские лица**. К нашему счастью, западные союзники проводили это мероприятие в отношении гражданских лиц халатно; почти все зависело от отдельных комендантов или тех офицеров, которые командовали в том или другом местечке.

Теперь я разрешу себе личное отступление. К концу войны мы находились в маленьком городке той части Саксонии, которая в 1815 г. отошла к Пруссии. Там была фильмовая фабрика, на которой работало много русских и других беженцев из восточных стран. Работа была довольно легкая, большей частью упаковочная. Были там, впрочем, и западные рабочие и специалисты, французы, бельгийцы, химики, физики, математики. Было на этой фабрике немало русских и украинских артистов варьете, певцов и певиц, танцоров и танцовщиц некрупного масштаба, увеселявших во время войны не только местное население, но и солдат немецкой армии. Они, конечно, были страшными военными преступниками: своим немудреным искусством они якобы поднимали дух немецкой армии. Так расценила бы их советская власть. Они все бежали добровольно с отступавшей немецкой армией. Но были на этой и соседних фабриках и насильно вывезенные на работу, а также те, которые в 1942—1943 гг. добровольно поехали на работу

в Германию, когда был объявлен набор. Сначала они пережили очень тяжелое время. Добровольно приехавших с Востока специалистов с высшим образованием водили гулять по улицам под конвоем и кормили брюквой и капустой. Позже все это было отменено. Добровольно приехавшие получили немецкие продуктовые карточки и свободно ходили и по улицам, и в ресторан, и куда угодно. Даже тупое национал-социалистическое руководство поняло, что без иностранных рабочих и специалистов, инженеров, химиков и физиков, им не обойтись. В наше время вряд ли и западноевропейские страны охотно вспоминают о том, сколько представителей их народов, — многие добровольно, — работало в Германии, помогая ей тем самым продлить войну. Почти все немецкие мужчины были в армии. Сейчас даже трудно себе представить, сколько тогда в Германии было иностранцев. Тогдашний анекдот гласил, что немецкий солдат, приехавший в отпуск в Берлин, умер на Курфюрстендаме с тоски по родине: он не услышал ни одного немецкого слова.

В наш городок вошли американцы, а советские войска остановились на Мульде, притоке Эльбы, в 7 км. Большинство рабочих из СССР жили в рабочем лагере, где большие бараки были построены справа и слева длинной лагерной улицы. Советские представители приехали с пулеметом и пустили очередь по длинной улице барачного поселка, люди попрятались в бараки. Затем было созвано общее собрание. Советский офицер сказал: "Берите у немцев тележки (многие сколотили себе маленькие тележки, чтобы менять у крестьян вещи на продукты питания), кладите своей скарб и идите через Мульду к нам". "А что с нами будет?" — спрашивали пугливо люди. Ответ был: "Веревки на всех хватит". Когда кто-то сказал, что у него или у нее есть старая мать, ответ был: "Стариков оставляйте немцам, старики нам не нужны".

Жители рабочего лагеря пока не торопились идти через Мульду, но среди них появились советские активисты и доносчики. Они бежали через Мульду и наговаривали на других, и вот советские солдаты с разрешения американцев увели какого-то пожилого человека. Его жена и дочь бежали за ним, плакали и кричали. Он обвинялся в том, что якобы был где-то бургомистром под немецкой оккупацией. Затем увели молодую женщину от двух маленьких детей. Активисты совсем оживились и начали грозить тем, кто высказывался против советской власти. К счастью, американцы не обнесли этот лагерь колючей проволокой, как они сделали со многими другими лагерями. То ли еще не было времени, то ли они знали, что все равно отсюда уйдут: они ведь отдали оккупированные ими Саксонию и Тюрингию советам.

Если б они этого не сделали, не было бы никакой ГДР, территория была бы слишком мала. Но вокруг лагеря стояли американские постовые. Один из них хорошо говорил по-немецки (английского языка я тогда совсем не знала). Я подошла к нему и спросила, отчего американцы допускают похищение людей из лагеря советскими солдатами. Он зло посмотрел на меня холодными голубыми глазами и сказал: "Все равно вы все должны будете вернуться в СССР". Между тем некоторые потянулись, в самом деле, на восток через Мульду, большинство шло и рыдало навзрыд, и все же они шли как бараны на заклание. Перешла через Мульду и супружеская пара, ставшая активистами и угрожавшая другим доносами. Они шли с радостью. Некоторые ходили на берег узкой Мульды и смотрели на ту сторону: там мужчин отделяли от женщин, сразу же после перехода через речку, разделили и активистов, которые только тогда, как рассказывали наблюдатели, начали сами кричать и плакать.

Еще раньше одна русская химичка, с которой я была в дружеских отношениях, достала для себя и для меня быстродействующий яд. Она никакой политикой не занималась, но поехала добровольно на работу в Германию, из любопытства, как она мне рассказывала, посмотреть на другую страну. Она не делала себе никаких иллюзий и предпочитала смерть возвращению в СССР. Она сказала, что дает мне этот яд, т. к. уверена, что я сохраню хладнокровие и не приму его преждевременно под влиянием паники. Между прочим, меня еще долгие годы в эмиграции мучил один и тот же кошмарный сон: я видела во сне, что снова в СССР и что НИКТО НЕ ЗНАЕТ О МОЕМ ПРЕБЫВАНИИ ЗА ГРАНИЦЕЙ. Иными словами, я могла жить совершенно обычной жизнью советской гражданки, ничуть не опасаясь ареста. Во сне всегда было так, как будто никто ни в коем случае не может узнать о том, что я была за границей, и у меня во сне в этом отношении не было никакого страха. Но вот тут-то и начинался кошмар. Обыденная советская жизнь с ее обыденным страхом, молчанием, сокрытием своих взглядов, постоянной ложью становилась мне совершенно нестерпимой. Во сне я начинала даже желать ареста, лагеря, чего угодно, только не этой обычной советской жизни. Бывшие лагерники только хмыкнут и скажут: "Попала бы она в лагерь!" И они будут правы. По всей вероятности, если б я попала в концлагерь, я бы хотела выйти из него, хотя бы в эту самую обычную советскую жизнь. Я этого не намерена отрицать. Но я хочу сказать, что советская жизнь как таковая была для меня до войны кошмаром и главный ужас для меня заключался в

возможном возвращении в эту жизнь.

Хотя война уже кончилась, американцы не разрешали никакого движения по дорогам, т. к. оно могло помешать военным транспортам. Поезда не ходили. Но мы поняли, что терять время нельзя. Небольшой группой мы пешком двинулись в путь, нагрузив наши немудреные пожитки на полученные у немцев разбитые велосипеды, ехать на которых было нельзя, но их можно было еще катить, положив на них пожитки. Американские посты мы обходили по тропинкам, полям и лесам. Двигались мы, конечно, на Запад. Т. к. многие немцы, эвакуированные из-за бомбежек из Рейнской области, хотели теперь домой, по дорогам тянулись длинные колонны с тележками и велосипедами, и все старались обходить американские посты. Деревенские дети сделали себе из этого забаву: они бежали навстречу идущим и говорили: "Вот там стоит американский пост, а вот тут можно его обойти". Крестьяне принимали на ночевку обычно без лишних разговоров. Ночевали на сеновале, к счастью, погода была теплая и не дождливая. Немцы — народ организованный (или был им), и в каждой деревне нам выдавали бумажку, на которую мы могли купить в магазинах хлеб и кое-какие продукты, какие были, а в наших документах отмечалось, что мы снабжены на такой-то день. Иногда крестьяне давали картошку или даже молоко и яйца. Отношение было в общем доброе, дурные исключения встречались редко. Одним из таких были богатые помещики. Но потом они потеряли все, т. к. их область отошла в советскую зону.

Почти непреодолимым препятствием оказалась широкая река Заале. Перейти через мост не было никакой возможности: американские посты не пускали. В стороне был паром, но и там стоял американский пост. 9 дней мы жили в заброшенном тире, по несколько раз в день кто-нибудь из группы ходил и смотрел, стоит ли американский постовой у парома. На что мы надеялись? Мы и сами не знали. На чудо? И оно совершилось: один раз ходивший посмотреть прибежал взволнованным: поста нет, скорее! Мы молниеносно сложили пожитки и благополучно перешли через Заале на пароме.

Но обходить посты становилось все труднее. И большинство нашей группы решило попробовать в ближайшем городке получить пропуск. Признаюсь, я была настроена скептически, тем более, что как раз в этом городке, Заксхаузене, был большой лагерь для возвращенцев. Но это обстоятельство было как раз решено использовать. У въезда (для нас входа) в городок стоял американский постовой на сей раз с немецким переводчиком. И им мы сказали, что идем в возвращенческий

лагерь. Немец радостно улыбнулся, и нас пропустили. В городе мы направились в американскую комендатуру. Комендант был в отъезде, и нас принял молодой офицер, его заместитель. Этого молодого американского офицера я всегда буду вспоминать с благодарностью. Сначала он сказал нам, чтобы мы записались на очередь у немецкого бургомистра там, где мы живем. Мы ответили, что нигде не живем, а наши пожитки на улице перед дверью комендатуры. Тогда этот умный человек задал два вопроса: "Как далеко отсюда то место, где вы жили, когда кончилась война?" "90 км", — ответили мы. "А как далеко это было от зоны советской оккупации?" — спросил он. "7 км", — ответили мы. Тогда он сел за стол и написал нам пропуска до Каселя.

Оставшиеся до Каселя 210 км мы прошли уже более спокойно и более удобно. Касель был почти полностью разрушен бомбардировками. Почти все улицы состояли из груд кирпича, на которых лежали пожелтевшие венки с нацарапанными на какой-нибудь дощечке именами погибших под развалинами людей, от 70-летней бабушки до 7-месячного ребенка. Остаться в Каселе было невозможно. Мы решили повернуть на юг. Но в Каселе нам наотрез отказали в продлении пропусков. Между тем начали ходить поезда, хотя бы на тех коротких участках железных дорог, которые не были разрушены. Но без пропуска можно было купить билет только на 10 км. Добравшись кое-как до Дармштадта, мы сунулись было там в комендатуру, но американский комендант не только отказал, но угрожающе сказал: "Вы все должны вернуться в СССР".

В Каселе мы получили первые американские газеты на немецком языке и из разговоров узнали, как, собственно говоря, безвыходно наше положение. Насильственной выдаче не подлежали только старые эмигранты, те, кого советское правительство само в 1923 г. лишило гражданства, и, конечно, их дети. Мы же все были обреченные. Тем не менее, мы решили в крупном центре Франкфурте еще раз попытаться счастья. Что нам оставалось делать? Во Франкфурте мы натолкнулись на неожиданную ситуацию: там все шло автоматически. В большом дворе комендатуры толпились люди, выходила секретарша, брала их паспорта и записки, в какой город они хотели бы получить пропуск, через некоторое время она же выходила и снова раздавала паспорта и пропуска. Но ведь это были все немцы! С замиранием сердца протянули и мы наши временные, выданные немцами, удостоверения, где, однако, стояло, откуда мы. Мы тогда решили пробираться в Мюнхен. И нам снова повезло! Улыбавшаяся секретарша вручила и нам наши документы

вместе с пропусками и стереотипными словами: "Я рада, что мне удалось помочь вам продвинуться ближе к дому". В самом деле, и в наших пропусках стояло в графе о цели путешествия: "возвращение домой". Так роцкерком пера американского бюрократа Мюнхен стал нашим домом. Но в данном случае слава бюрократам! Бывают в жизни ситуации, когда и они как раз на месте.

Мне лично этот пропуск в буквальном смысле этого слова спас жизнь. Мы пробирались "к себе домой", т. е. в Мюнхен, частью пешком, частью в товарных вагонах там, где поезда уже шли. В каком-то местечке, где, я уже не помню, русские, с которыми мы случайно разговорились, сказали, что в близко находящемся беженском лагере находятся беженцы из того городка, откуда и мы бежали. Я одна пошла туда поискать знакомых. Легкомысленно я не обратила внимания, что лагерь обтянут колючей проволокой, а у ворот стоит американский солдат с винтовкой. Когда я входила, он не пошевелился. Не найдя никаких знакомых, я хотела выйти из лагеря. Тогда солдат вдруг взял винтовку наперевес и преградил мне путь. Английского я тогда совсем не знала, и все мои попытки выйти были напрасны. Лицо солдата приняло угрожающее выражение. Я поняла, что этот лагерь был ловушкой. Меня охватило отчаяние. И тут я вдруг вспомнила о пропуске в моей сумочке! Я вынула его и протянула солдату. Он посмотрел, поднял винтовку и пропустил меня. Мы тогда узнали об одном драматическом случае в английской зоне оккупации. Англичане везли в грузовиках выдавать русских гражданских лиц, их должны были провозить через польский беженский лагерь. Поляки, услышав, что везут выдавать русских антикоммунистов, легли шпалерами на дорогу. Английские шоферы затормозили. Русские выбили задки и бока грузовиков и разбежались. Немцы в окрестных деревнях их попрятали. Англичане искали вяло и неотчетливо и никого не нашли. Простым людям любой нации не хотелось выступать в роли палачей.

Наше благополучное прибытие в Мюнхен не означало конца опасности выдачи. Поэтому все мы превратились в старых эмигрантов. Роковым годом был 1939 год: где вы жили в этом году? Если на территории СССР, то вы подлежали насильственному возвращению туда, если вне его территории, то вы могли оставаться на Западе. Проще всего было украинцам из восточной Украины: они все превратились в западных. Западные соотечественники, как правило, не выдавали, хотя и могли расслышать, что это украинец с Востока. Но что было делать русским? Обычно назывались те страны, через которые мы прошли при бегстве на Запад, города, где

прожили хоть несколько недель, т. к. американские комиссии предлагали описать город, где "эмигрант" якобы жил в 1939 г., или поговорить на языке той страны. Кто-то сочинил даже анонимную поэму о мытарствах русских, она была длинной, но я помню из нее только один куплет:

Я — литовец с Енисея,

Едва ноги я унес.

Запишите поскорее,

Я — литовский штатенос (бесподданный).

Юрист из настоящей старой эмиграции Юрьев создал в Мюнхене бюро для выдачи временных удостоверений личности тем, кто их утерял. А "утеряли" их все мы, новые эмигранты. Для того, чтобы с помощью этого удостоверения превратиться из нового в старого эмигранта, нужны были свидетельства двух человек, что они знали данного беженца еще в Эстонии или Латвии, Польше или Югославии. Получив при помощи знакомых или просто сочувственно относившихся старых эмигрантов такое удостоверение, свежеспеченный "старый" эмигрант тут же давал свидетельства своим товарищам по несчастью. И у меня было такое свидетельство, а свидетелями были 1) одна из моих спутниц по бегству через Германию, такая же "старая эмигрантка" как и я, только получившая свое свидетельство немного раньше меня, и 2) молодой человек из Белграда, действительно сын старых эмигрантов, который в жизни не был в Латвии, но подтвердил, что знал меня в 1939 г. именно в этой стране, и которого я первый и последний раз в жизни видел в прихожей бюро Юрьева. К счастью, во времена нужды и гонений растет и готовность помогать. Священники вперед отпускали всем грех такого "лжесвидетельства", даваемого не для того, чтобы кого-нибудь погубить, а для того, чтобы спасти гонимых.

Нашлись, конечно, провокаторы и доносчики, американцы арестовали Юрьева, но кто-то за него заступился, его скоро выпустили, и он снова занялся своей деятельностью помощи гонимым. Через некоторое время его снова арестовали, опять выпустили, но бюро его закрыли. Юрьева уже давно нет на свете. Царствие ему Небесное!

Нужно сказать, что в Мюнхене в конце 1945 г. американцы уже не разыскивали советских граждан по частным квартирам. Если кому-нибудь удавалось найти меблированную комнатку и работу у немцев, жить, как тогда говорили, "на немецкой экономике", т. е. на послевоенные продуктовые карточки, которые были гораздо хуже военных, тем от американцев ничего не грозило. Но их могли найти представители советского репарационного комитета. Мне, правда, не пришлось слышать, чтобы они людей в Мюнхене похищали. Но кто мог устроиться

частным образом и найти в полуразрушенном городе работу? Мне удалось, и работа была знатная: чистить картошку в ресторанной кухне, но зато она давала дополнительное питание, что было весьма важно при карточках, на которые давали 50 граммов жиров на человека в месяц.

Однако это мало кому удавалось, особенно семьям с детьми было невозможно устроиться частным образом. Люди селились в опустевших казармах и некоторых других пустых общественных зданиях, делили большие комнаты солдатскими одеялами как занавесками и кое-как ютились. И тут появилась американская организация УНРРА, помогавшая и одновременно угрожающая. Здания, где были беженцы, обносились колючей проволокой (правда, не везде), но часовых, как в том страшном лагере, я в Мюнхене у входа нигде не видела. Беженцы получали продукты питания и необходимые вещи, одежду из пакетов со старой одеждой из США, но зато их начинали проверять, таскать на разные комиссии и фактически требовать, чтобы они заявляли, что были вывезены в Германию насильно. И люди, которые бежали сломя голову, были благодарны немецким солдатам и офицерам, которые брали их, иногда на танки, вопреки приказу Гитлера, эти люди заявляли, что их вывезли в Германию насильно. Трудно их винить, т. к., скажи они правду, их лишили бы клички ДП ("дисплейд-ит" означает не только перемещенный в пространстве, но и "перемещенный" в уме, т. е. сумасшедший) и выгнали бы из той казармы, куда эти беженцы пришли раньше, чем УНРРА забрала ее в свое распоряжение. А куда бы эти люди пошли, особенно с семьями и малыми детьми?

Сколько лежит в американских архивах лживых показаний! Сколько "научных" работ будет написано по этим документам! Нет, история никого не судит и далеко не всегда раскрывает истину.

Анкеты, анкеты, анкеты... Никто из нас нигде и никогда, даже в СССР, не видел столько анкет и с таким количеством вопросов. Как я уже упомянула, я не стремилась получить кличку ДП, но когда я поступала в Мюнхенский университет, осенью 1946 г., здесь еще командовали американцы, и все поступившие должны были заполнить анкету, в которой было 133 вопроса!

Выворачивали и перетряхивали всю биографию, искали, не скрыл ли кто чего, но все лгали. Лгали в ответ на роковой вопрос: где вы были в 1939 г. (тут пригодилась юрьевские удостоверения!), лгали, что их вывезли насильно, хотя они бежали добровольно, повторяя, другого ничего не оставалось. Люди горько иронизировали: "Американцы придумали новую анкету с вопросом: под какой

фамилией вы были известны на планете Венера? А если вы там не были известны, то почему?” И еще: “Американцы придумали последнюю анкету с одним только вопросом: добровольно или нет вы родились на этот свет? Если не добровольно, то докажите это!”

В Мюнхене я узнала о страшной выдаче власовцев американцами и казаков под Лиенцем, в Австрии, — англичанами. Когда выдавали казаков, то не только матери бросали своих маленьких детей в бурную горную реку и прыгали вслед за ними, но и англичане бросали малых детей так грубо в грузовики, что у иных раскалывались черепа. Конечно, их было несравненно меньше, чем убитых нацистами еврейских детей, но убитый малый ребенок — это убитый малый ребенок. Я слышала передачу по телевидению (когда англичане спохватились и поставили памятник жертвам Ялты), когда английского пастора спросили, не надо ли было бы судить тех солдат. Он ответил: “Нет, они действовали по приказу”. Но ведь и рядовые СС-овцы действовали по приказу.

Часть власовцев спаслась сначала и беспечно обосновалась в бараках (кем-то брошенных) недалеко от Мюнхена, в Платтлинге. Их выдавали американцы уже тогда, когда я была в Мюнхене. С ужасом слушали мы рассказы о том, как люди перерезали себе вены, как они запирались в бараках и поджигали их, предпочитая сгореть живыми, но не быть выданными. Американцы были злы и грубы, часто избивали прикладами уже загнанных в грузовик людей. Рассказывали те, кому все же удалось как-то спастись. Их были единицы. Тогда же выдали и полковника Меандрова, позже, чем других власовцев. И он перерезал себе вены, чуть не умер, но его спасли. Американцы поместили его в Мюнхене в больницу, вылечили и... выдали! Нужно отметить, что как англичане, так и американцы не придерживались в точности соглашения о том, что старые эмигранты выдаче не подлежат: они выдали всех трех Красновых, генерала П. Краснова, его сына, полковника, и внука, лейтенанта. Последний попал в концлагерь (так же, как и его отец, который там умер), пережил и даже при Хрущеве смог выехать на Запад, он никогда не имел советского или даже русского гражданства. Николай Краснов написал о своих переживаниях книгу “Незабываемое”. Вскоре после этого он неожиданно умер. Находившийся при казаках немецкий офицер фон Паннвиц мог выйти из смертельного кольца, англичане ему предложили, но он предпочел остаться с казаками и был вместе с их руководящими генералами повешен в СССР. Так же вместе с власовцами были выданы некоторые старые эмигранты.

Несмотря на такое страшное разочарование,

на полное крушение надежд всех, кто думал, что настоящая борьба против коммунизма только теперь начинается и что западные союзники переймут их как сознательные ценные антикоммунистические силы, несмотря на пережитый ужас, те, которые в буквальном смысле этого слова этот ужас пережили, т. е. выжили, начали тянуться за океан, и, прежде всего, в США. Слишком большим был шок, и большинство хотело положить между советской властью и собою океан. После выдач, после того, как американцы отдали советским оккупированные сначала ими Саксонию и Тюрингию, после всего этого никто уже не усматривал в американцах защитников от коммунизма. Но где был выход? Слишком многие ожидали вторжения советских войск в Западную Германию. Я помню, какая паника была в среде эмигрантов в 1948 г., после переворота в Чехословакии, и во время, а так же и после, берлинской блокады. Помнится, я зашла к русским знакомым, они были значительно старше меня, а я писала тогда в историческом семинаре университета работу о Бисмарке и стала смеяться рассказывать что-то забавное из того времени. Мой знакомый буквально закричал на меня (его жена была спокойнее): “Как вы можете говорить о Бисмарке, когда не сегодня-завтра сюда войдут советские войска, и мы все погибнем!” Мне это было непонятно, т. к. как раз с этого года западные державы начали наконец оказывать сопротивление советской экспансии. Как раз берлинская блокада это показала, а на войну с США разоренный Второй мировой войной СССР пойти не мог. Но если человек в панике, логические аргументы на него не действуют.

Тогда я слышала только одно: “Надо как можно дальше уехать на Запад”. Я иногда иронизировала: “Не забудьте, что земля круглая, и если вы слишком далеко продвинетесь на Запад, то вдруг окажетесь на Востоке”. Но буквально паниковавшие люди на меня только сердились. Чтобы получить въездную визу в США, многие скрывали все, что тогда могло показаться не совсем приятным в глазах американцев. Я хочу еще раз подчеркнуть: дело шло не о сокрытии преступлений, — конечно, были среди выезжавших и отдельные преступники, — но большинство никаких преступлений не совершало, если не считать преступлением попытку бороться против коммунизма или даже факт добровольного бегства от этих самых коммунистов. По мере того как усиливалась “холодная война”, американские власти переносили центр тяжести опросов тех, кто просил гражданство США, на проверку, был ли данный человек коммунистом, а об его деятельности или злоключениях в военное время расспрашивали мало. Люди получили американское гражданство,

десятками лет работали в США, заслужили себе пенсию... и вдруг!

Произошел новый зигзаг американской политики. Союз двух мировых держав, казавшийся во время войны столь противоестественным, вынужденным агрессией Гитлера, начал снова восстанавливаться на этот раз без чьей бы то ни было агрессии. В этой статье мы оставим в стороне переговоры о разоружении, ставящие Западную Европу перед серьезными проблемами. Мы умолчим о намечающемся "союзе" в Персидском заливе, — это как раз может быть вызвано агрессивными действиями другого ненормального властелина, именно, Хомейни. Конечно, если там и возникнет нечто вроде союза двух мировых держав, то он кончится присоединением Ирана к сфере влияния СССР, так же, как и союз во Вторую мировую войну кончился захватом Восточной, вернее, Средней, Европы.

Нет, нас интересует на этот раз моральная сторона совсем необычного союза мировых держав против пенсионеров. Описанных нами выше людей, десятки лет честно проработавших в США и или уже вышедших, или как раз выходящих на пенсию, арестовывают по доносам из СССР, судят ЛИШЬ за то, что они действительно или только согласно "документам" или "свидетелям" из СССР, скрывают что-то, получая американское гражданство, и отправляют без тени сострадания в СССР на смерть.

Это все до такой степени нелепо, жестоко и ни с какой стороны, ни с политической, ни с психологической, необъяснимо, что начинаешь ломать себе голову: что же есть все же подспудно общего между этими двумя столь различными мировыми державами? Массовость советской и американской культур? (Я имею в виду, конечно, советский "высший" слой, а не русский народ или другие народы, живущие в СССР). Невнимание к отдельной личности? Равнодушие к человеку? Я была в Нью-Йорке в 1970 г., когда литовца Кудирку, спрыгнувшего с советского корабля и искавшего убежища на американском корабле, два раза выдали советским властям. Его выдали два раза, т. к. после первой выдачи ему каким-то чудом удалось еще раз спрыгнуть в море и доплыть до американского корабля. На этот раз советские — не знаю, были это представители, так сказать, морского КГБ или кто еще, — явились на американский корабль и на палубе американского корабля, на глазах у непошевелившихся американских моряков, избивали Кудирку. Когда я спрашивала, недоумевая, отчего американские моряки не вмешались и не прекратили этого безобразного избиения на палубе ИХ корабля, мне американцы неизменно отвечали: "Они же не могли вмешаться, у них был приказ". Спон-

танного чувства возмущения безобразной сценой, спонтанного сочувствия, милосердия к избиваемому на их глазах человеку, у них, видимо, не было, и им даже не приходило в голову, что такие чувства могут существовать. Так же не раз приходится читать о полном равнодушии к жертве преступления. Преступление может совершиться под окнами, жертва — я читала о таком преступлении над женщиной, которая была изнасилована и убита, — кричит, призывает помощь, а жители закрывают окна, чтобы не слышать криков. Даже звонок в полицию кажется или слишком опасным, или слишком обременительным. И когда телевидение показывало, как равнодушно и грубо американские полицейские толкали в советский самолет старого Линнаса, то невольно все это вспоминалось.

Недавно западногерманские власти выдали въездную визу 83-летнему латышу, которого американцы назначили на насильственную выдачу в СССР. Насколько мне известно, до сих пор насильно выдавали в СССР, кроме людей из числа сателлитов или Югославии, исключительно западных украинцев, эстонцев, латышей и литовцев. В связи с этим я попрошу читателя вернуться к началу этой статьи. Я писала о роковом годе, о роковом вопросе, задававшемся нам, бежавшим из СССР: "Где вы проживали в 1939 г.?" Я также писала, что все, кто тогда проживал в Эстонии, Латвии и Литве, но и в тогдашней Польше, так же и Западной Белоруссии, и Западной Украине, советскими гражданами не считались и выдаче не подлежали. Я также писала о том, что большинство из нас называли своим местожительством одну из этих стран, т. к. почти всем пришлось бежать или через Прибалтику, или через Польшу, где-то задержались, какие-то города видели и с грехом пополам могли описать, если бы американцы начали допрашивать, кое-какие слова и фразы выучили, хотя это иногда не шло дальше эстонского или латышского "спасибо" и "пожалуйста" или счета до двадцати. Но как-то изворачивались. Более молодые жители этих стран, знавшие хоть детьми еще старую Россию, таких "литовцев с Енисея" большей частью покрывали, но молодые бывали иногда безжалостны.

Им самим, однако, выдача в СССР не грозила. Они под Ялтинское соглашение не попадали. Западные союзники не признавали ни раздела Польши между гитлеровской Германией и СССР в 1939 г., ни оккупации Эстонии, Латвии и Литвы советскими войсками в 1940 г. И вот теперь это признание со стороны США совершилось. Оно совершилось под шумок, без афиширования, без громких заявлений, совершилось за счет... пенсионеров! Ведь эти выдаваемые западные украинцы, эстонцы, латыши и литовцы ТОЛЬКО В ТОМ

СЛУЧАЕ были год-полтора советскими гражданами, если признать пакт Риббентроп — Молотов и раздел Польши по этому договору, а также секретное добавление к этому договору, отдававшее Прибалтику Советскому Союзу, и признать потом оккупацию Прибалтики. Как это ни парадоксально, но фактически США признали сейчас не только аннексии Советского Союза, но и договор, подписанный также злейшим врагом США Гитлером, т. к. теперешний снова полуприятель США СССР был тогда приятелем Гитлера и вместе с ним заключил разбойничий договор, признанный теперь фактически Соединенными Штатами.

Михайло МИХАЙЛОВ

КРИТИКА РЕВОЛЮЦИОННЫХ МИФОВ

В "Литературной газете" за 9 июля 1986 г. была напечатана огромная статья профессора Н. Молчанова "Революция на гильотине", в которой подвергнуты резкой критике работы некоторых современных французских историков. Советский ученый выступает против "демифологизации революции", которая, как он пишет, проходит в настоящее время во Франции в прямой связи с подготовлениями к торжествам 200-летия взятия Бастилии в 89-м году. По его мнению, переоценка исторического значения Великой Французской революции является "ярчайшим примером неолиберальной контрреволюции", которую проводит французская буржуазия в целях искоренения всякой памяти о революции и даже самой идеи "тотального изменения буржуазного социального порядка".

Критическая статья советского профессора в "Литературной газете" главным образом основывается на исторических работах Франсуа Фюре и Дени Рише да на "контрреволюционных карикатурах" 18-го столетия, которые иногда можно увидеть в некоторых французских журналах. Однако Франция — страна демократическая, и поэтому, в отличие от Советского Союза, во французской историографии, так же, как и в политической жизни, процветает плюрализм идей, теорий, мнений. Сам Н. Молчанов ссылается на только что появившийся великолепно изданный первый том новой 5-томной "Французской революции", автор которой историк Мишель Вовель, как это говорится, дает отпор "демифологизации", цель которой, по его словам, состоит в том, чтобы "окончательно отбросить французский народ в состояние абсолютной безнадежности, внушить ему идею, что невозможно изменить жизнь, что революция — это обман, что она не может дать разрешения кризиса". Как видим, у советского историка

Когда Аденауэр был в Москве в 1955 г., Молотов попробовал было нажимать на него в виду нацистского прошлого Германии. Аденауэр на это ответил вопросом: "Скажите, кто заключил с Гитлером договор о дружбе, я или вы?" И Молотов замолчал. Но как же американцы "дошли до жизни такой", до фактического признания разбойничьего пакта между Сталиным и Гитлером, двумя самыми страшными диктаторами нашего века? И что нам от них ожидать в будущем? Поистине прав Патрик Бьюкенен, сказавший, что мы живем сейчас в орвелловском мире. Он имел при этом в виду свою собственную родину, Соединенные Штаты Северной Америки.

есть единомышленники во Франции. Надо думать, что и у французских "демифологизаторов революции" нашлись бы единомышленники в Советском Союзе, если бы малейшее отступление от единоспасительного учения не каралось так строго.

И тем не менее советский историк совершенно прав, утверждая, что в Западной Европе полным ходом идет переоценка революций новейшего времени. Только началась она не три года тому назад, как профессор Молчанов думает, а лет тридцать, сразу же после 20-го съезда КПСС и критики "культы личности". Также неверно, что в процессе переоценки главенствует буржуазия. Подавляющее большинство критиков мифа о революции, и не только в историографии, — левые интеллигенты или даже бывшие члены коммунистической партии. Большинство французских так называемых "новых философов", продемонстрировавших убедительную идейную критику революции, еще в 68-м году были вождями "левого" студенческого бунта в парижских университетах.

Причины, вызвавшие переоценку и якобинской, и большевистской революции в кругах левой интеллигенции на Западе, находятся в историческом опыте последствий радикальных революций 20-го века. Сначала "секретный доклад" Хрущева на 20-м съезде, потом мощная волна диссидентской литературы в СССР, после этого печальные примеры Кубы, Кампучии (Камбоджи) и других коммунистических стран, — все это подтолкнуло мыслящих людей к поискам идеологическо-политических корней плачевной реальности тоталитарных обществ. Короче говоря, самая активная часть западной интеллигенции, раньше поддерживавшая идею революционного преобразования общества, поняла, что далеко не всегда социальные революции приводят обще-

ство к лучшему, более гуманному строю. Как бы ни был плох авторитарный строй, предшествующий революции, — далеко ему до тоталитарного. Бесчисленные тюрьмы, лагеря, кровавые чистки, геноцид, полнейшая ликвидация свободы индивида во всех сферах жизни — все это результаты революций, проведенных политическими движениями, инспирированными идеями насильственного создания справедливого общества.

Сперва французские "новые философы", потом многие французские историки, в США — "неоконсерваторы" поняли, что марксистско-ленинские революции не лечат болезнь авторитарности, а усугубляют ее.

Многие из них и в Европе, и в Америке, уже разочаровавшись в советской реальности, все еще не переставали верить в возможность построения коммунистического "рая земного", на этот раз во Вьетнаме. Поэтому они активно поддерживали Хо Ши Мина и сопротивлялись Южному Вьетнаму и США. Вот поэтому-то горькую реальность коммунистического Вьетнама они восприняли как личную трагедию. (Однако истинную трагедию испытали и испытывают вьетнамцы, а не эти салонные большевики. *Прим. ред.*)

Отыскивая исторические корни этой трагедии 20-го века, французские мыслители и историки логически дошли до самой знаменитой антиавторитарной — Великой Французской революции. Сам по себе напрашивался вопрос: что бы произошло, если бы самый радикальный из революционных вождей — Робеспьер, горевший желанием переустроить общество на началах, казавшихся ему разумными, и

истреблявший немилосердно всех усомнившихся в этом, — что бы во Франции произошло, если бы ему удалось надолго удержать диктаторскую власть, как это удалось большевикам в России? Недвусмысленный ответ гласит: произошло бы то же, что и в России, Китае, Кампучии, Вьетнаме, на Кубе, в Никарагуа. Лагеря, тюрьмы, упразднение самой идеи свободы. К счастью, во французской революции радикалы не победили. Именно поэтому в наше время единомышленники советского историка могут во Франции свободно выступать против всех усомнившихся в мифе о "Великой Французской", как и в мифе о "Великой Октябрьской". Впрочем, многое говорит за то, что усилия "Литературной газеты" тщетны. Все больше и больше людей в мире принимает как само собой разумеющуюся мысль Джорджа Орвелла из его романа "1984", что "диктатура вводится не для того, чтобы защитить революцию, а наоборот, революцию поднимают для того, чтобы ввести диктатуру". Это верно в отношении всех тех революций нового времени, цель которых — справедливое общество, но средство для его построения — устранение свободы. Мир знает и другие революции, приведшие к демократическому строю, однако их проводили люди, ставящие свободу личности во главе всех человеческих ценностей.

Демифологизация революции в нынешней Франции развенчивает только революции тоталитарные. "Литературная газета" делает вид, что этого не понимает.

Владимир РУДИНСКИЙ

ОБЗОР ЗАРУБЕЖНОЙ ПЕЧАТИ

"Грани" №114. Стихи Е. Пудовкиной талантливы, но слабее тех, что мы видели в "Вестнике Р. Х. Д." Рассказ А. Кторовой написан с присущей ей развязностью, но в целом незначителен. Она в нем восхищается некой подсоветской школьницей Светланой Паластиной, запретившей учителям склонять свою фамилию "потому что она еврейская, а не русская". Логика плохая: еврейские фамилии, как и другие иностранные, по законам русского языка склоняются наравне с русскими. Зато очень хороша повесть Э. Букринского "Расплата". Автор описывает случай, когда и в Советском Союзе торжествует справедливость: энергичный следователь разоблачает и наказывает работников вытрезвителя, пользовавшихся своею должностью для издевательств и истязания над попавшими в их власть людьми.

На высоте отдел литературной критики.

Статьи И. Муравьевой об "Евгении Онегине" и Н. Коржавина об Ахматовой обе содержат много интересных мыслей, частью верных, частью сомнительных. Но их бы надо разбирать подробно, что здесь невозможно. В одном согласимся с Ахматовой, а не с Коржавиным: она вполне правильно обозначала рубеж прошлого и нашего веков гранью первой мировой войны, когда, выражаясь словами Алданова, Европа совершила **коллективное самоубийство**. Ю. Кублановский превосходно разбирает "Красное колесо"; особенно удачно место, где он трезво оценивает озлобленных против Солженицына литературных обманщиков типа Б. Хазанова, "живущих мифом и эксплуатирующих идеологический миф".

В воспоминаниях Л. Ржевского лучше всего начало, где он рассказывает о детстве и о родной семье (с удивлением узнаем, что он

происходил из прижившегося в России рода испанских аристократов!); потом почему-то изложение становится вялым, и картина подсоветской жизни, войны, плена, успехов на Западе подана бледно.

"Вече" №26. Со статьями О. Бирюкова, М. Назарова и В. Щубачева о происходящем сейчас в СССР (впрочем, во многом различными по точке зрения), мы в основном (но не во всех деталях) согласимся. Наоборот, неприятен как всегда О. Поляков, присвоивший себе Бог весть отчего право обличать и поучать эмиграцию *ex cathedra*. Кому и за что он раздает удары бича? Мы, например, за собою порицаемых им грехов не чувствуем: мы всегда и всеми способами боролись и боремся против большевизма. И сколько есть людей, жертвующих силы, время, деньги на то же самое! Одни пишут в печати, другие участвуют в демонстрациях, в общественной жизни; без их поддержки наша пресса могла ли бы существовать? Напрасивается догадка: их вина в том, что они пишут не в **тех** журналах, ходят не на **те** собрания, состоят не в **тех** организациях, как бы хотелось г-ну Полякову. Но тут уж ему помочь ничем нельзя...

Неведомый мне В. Симанский, именуя меня **небезызвестным г-ном Рудинским**, выражает подозрение, будто я читал роман В. Волкова "Le montage" не во французском подлиннике, а в русском переводе! Могу его заверить, что по-французски вполне свободно читаю с детства. И даже, ознакомившись теперь с переводом (от которого Симанский в восторге), заметил в нем кое-какие дефекты; к примеру, **ничман** спутан с **аспирантом**, **ломбардцы** с **ломбардами**, а некоторые места и стали просто непонятны. Да и моя рецензия в "Нашей Стране" была опубликована 16 августа 1986 г., а перевод вышел лишь в 1987 г.! Прибавлю еще, что я в той же газете рецензировал прежде две другие книги Волкова, "Vladimir le Soleil Rouge" и "Le retournement" (эта последняя по-русски как будто вообще не переведена; а она по качеству не ниже, чем "Le montage"). Так что упрекнуть меня в невнимании к Волкову вряд ли можно. А если я написал о его романе поздно, то что ж делать: когда прочел. Приобретать все новинки иностранной литературы не каждому по карману; тем более, сразу же по выходе в свет.

Комментарии Симанского на Волкова удивляют: он считает, что психология героя, А. Псаря, мало раскрыта. Вот уж неправда! Именно тут Волков в своем элементе — в сфере поколения русской молодежи, выросшей за границей; и он внутренний мир своего центрального персонажа тщательно освещает со всех сторон; его собственными глазами и глазами окружающих. Напрасен пессимизм

Симанского, что, мол, книга не дойдет до России. Почему же? Надо, так там ее размножат на машинке или на линолите. Вероятно, все, кому всерьез нужно, ее прочтут.

С. Алов судит о новейшей эмиграции — и, в частности, об основанной на Брайтон Биче, — в пристрастном, враждебном тоне, отнимающем у его статьи ценность. Особенно он высмеивает ее язык, переполненный англицизмами (точнее, американизмами). Над этим и сами новейшие в своих изданиях подтрунивают. Но возьмем вот орган старой и правой эмиграции в США, "Русскую Жизнь" — и какой язык мы в ней находим?! Хотя вон святых неси! Врачу, исцелился сам...

В чисто лингвистическом отношении, автор напрасно думает, что термин **русскоязычный** есть нечто исключительное (иное дело, что он приобрел несколько одиозный характер). Слова как **франкоязычный**, **англоязычный** и **испаноязычный** широко распространены в специальной литературе. В самом деле, первое из них применимо к газетам, журналам и книгам, издающимся в Канаде, в Бельгии, в Швейцарии, на Гаити; правильно ли бы было их именовать **французскими**? Вот их и называют francophones. По-английски, тем более, пишут и печатают в Ирландии, в США, в Австралии, в Южной Африке, а по-испански — в Южной и Центральной Америке.

"Вече" №27. В своем обзоре "Один номер "русской" газеты", О. Бирюков сообщает, что в "Нашей Стране" "перестал играть ведущую роль В. Рудинский". Откуда у него сведения? Насчет **ведущей роли** не знаю, но по-прежнему там печатаюсь чуть ли не в каждом номере, нередко передовицами. Далее Бирюков меня обличает в "служении либеральным февральским идеям". Видимо, он плохо понимает, о чем говорит. Февральская революция имела целью свержение монархии; а я монархист, и никогда того не скрывал. Полагаю, что, в качестве противников монархии, сам г-н Бирюков, и орган, где он сотрудничает, гораздо ближе к февразизму. Слово же **"либеральный"** никак не является ругательным (хотя существоважно, как его толковать). Главное же: очень прошу почтенного моего оппонента привести хоть одну мою фразу — все равно откуда, все равно какого года, — где бы я защищал февральский переворот. Еще не нравится ему, что я работаю в "Голосе Зарубежья", журнале, по его мнению, не монархическом. Но разве есть закон, что монархист имеет право писать **только** в монархических печатных органах? Я такого правила не знаю и не признаю. Обрушиваясь тут же на "Русскую Мысль", он ее обвиняет в любви к Франции. Тогда как хвалить, наставляет он, надо США, ибо: "Америка самая богатая и самая сильная держава мира". Вот

уж — ученого учить! Парижская газета давно сие раскумекала и, в частности по русским делам, целиком проводит линию, намеченную американским правительством. А г-н Бирюков и не заметил? Как сказано у А. К. Толстого: "Пораньше было встать!"

Зато горячее одобрение заслужила под пером вечового журналиста "Русская Жизнь". Не мудрено: в оной подвизается О. Поляков.

Ну как не порадеть родному человечку!

Правда, даже и Бирюков принужден допустить, что в санфранцисской газете "русский язык во многих случаях хромает".

Лучшее в номере, как обычно, статья В. Вулич. Она красноречиво и обстоятельно полемизирует с румынским русофобом Э. Чораном. Но стоит ли тратить силы? Пока на Западе есть спрос на русофобию, — будет и предложение.

В. Симанский разбирает книгу Н. Берберовой о масонах. Увы! остается впечатление, что у данной организации концы так хорошо спрятаны в воду, что очередные разоблачения ей не повредят и публику ни о чем важном о ней не осведомят.

П. Палий несет дикую белиберду: "Еще во второй половине XIV века советник французского короля Франсуа Викториа писал..." О чем речь? Если о короле Франциске I (он, между прочим, жил в XVI, а не в XIV в.), то отчего он так уродливо назван? А если о другом короле, то каком же? Рядом голландский ученый Гроциус превращен во **Гроциуса**. Затем мы узнаем, что Джордж Вашингтон направил меморандум командующему английскими войсками **Томасу Гаге**. Так этого генерала звали же не **Гага**, а Гейдж! Странно: тот же Палий прежде в "Новом Журнале" писал вполне грамотным языком. Или там поправляли? Видно, бывает, что **место красит человека**.

Его невежество еще сильнее выпирает на фоне здесь же перепечатанных старых статей видного лингвиста князя Е. Трубецкого и выдающегося богослова А. Карташева, писавших отличным языком русской интеллигенции высшего уровня. В остальном, "Вече" скатывается в открытый антисемитизм и — хуже того — в грубый русский шовинизм. Вернемся на миг к О. Бирюкову (он типичен): "Все татары, евреи, латыши, лютеране, опять евреи..." Не дай Бог таких настроений в деле нашего национального возрождения! Россия есть общий дом для русских, татар и евреев (и для латышей — если пожелают) и не только, наравне с православными, для лютеран, но даже для мусульман и буддистов также.

"**Жонинент**" №52. Среди хлама всплывают на поверхность отличная статья Д. Штурман — отповедь некой католической монахини, да еще и албанке родом, пленившейся прелестя-

ми режима Кастро! — и безыскусные, правдивые записки юной латышки Руты У., в 14 лет сосланной в Сибирь, после захвата Прибалтики Советами.

Литературная часть в прозе безнадежно сера, как обычно в "Континенте", "Васылева гора" И. Шапиро еще чуть-чуть лучше остальных. Стихи различны по сюжетам и по качеству, но в общем оставляют безотрадное впечатление. Для информации, процитируем Д. Бобышева о третьей волне (он сравнивает ее художественную продукцию с подсоветской):

Нет, хуже. Потому: рабы наоборот
(зачем уехали?) оттискивают в книжке
все фобии, что в них набились наперед...

Им и Америка — страна зубных врачей,
А о родной дыре —

лишь в терминах анальных...

Закроем альманах...

И №53. Отдел беллетристики беспросветно сер. Выделим все же, пожалуй, стихи Р. Левинзон, посвященные покойному Л. Ржевскому. Несколько живее отдел публицистики.

А. Орлова в прекрасно построенном эссе защищает версию о самоубийстве П. Чайковского; и все-таки нас не убеждает. Путаница в диагнозах врачей — вещь довольно обычная; а что убитый горем брат даже и дату смерти не запомнил, — и вовсе не диво. Симптомы же болезни мало похожи на предполагаемое отравление мышьяком: боли в груди и приступы жажды при многих недугах возникают, а уремия и совсем тут не характерна. Еще хуже обстоит с гипотетическими причинами трагедии. Если бы царю и подали жалобу на Чайковского как гомосексуалиста, Александр III, высоко ценивший его как музыканта и вовсе не заинтересованный в громком скандале, дело бы наверное притушил. И это не мог не сознавать сам Чайковский и те правоведа, которые будто бы, в порядке суда чести, велели ему покончить с собой. Да и, — исходи такой приговор от собрания в 8 человек, — тайна долго бы не сохранилась. Опять же, если бы автор хотя бы могла перечислить поименно участников совещания, — но она и этого не делает.

2 кратких очерка А. Малумяна, армянина, родившегося и воспитанного во Франции, рисуют корни и результаты репатриации таких армян в СССР. Судьба мне дала когда-то наблюдать, в лагере для перемещенных лиц, встречу группы армян из Советского Союза (очень славные были ребята!) со своими зарубежными соотечественниками, зараженными идеей возвращения; так наши и смеялись, выразительно по лбу себя похлопывали. Ну что ж, — кто поехал, тот и хлебнул горя.

Сходные мысли приходят в голову и от

воспоминаний Г. Кравчика о его **бессрочной ссылке** и о предшествовавших ей встречах с М. Ульяновой и с А. Вышинским. Расхолаживают его слова о себе и о своих друзьях: "Мы были преданы коммунистической идеологии". Что же, — значит и пострадали не вовсе зря, а отчасти за дело!

Любопытно интервью об Ахматовой, взятое С. Волковым у И. Бродского. Не знаем, кто такой С. Волков; но он, похоже, и лучше осведомлен и лучше разбирается во всех вопросах, касающихся покойной поэтессы, чем сам Бродский! Этот же последний ее, как человека, стопроцентно идеализирует, и не всегда справедливо.

"**Беларускі Голас**" №334. Из газеты видно, что идущие в Советском Союзе процессы затрагивают, как оно и неизбежно, Белорусию наравне с другими областями. И в ней прорывается борьба за свободу против большевизма, как показывает цитируемое здесь стихотворение У. Верамейчика:

Дзе ж нашы вочы / Дзе нашы вушы,
А можа адрывацелі нашы душы,
Маучалі раз да гэтае пары?

А также, к несчастью, и угроза уничтожения лесов, деревень, исторических памятников, которые большевистское правительство вознамерилось предать затоплению. Хочется надеяться, что это варварство удастся предотвратить, как зловещий проект поворота рек! Но немало зла уже сделано...

"**Новый Журнал**" №166. В малоправдоподобном рассказе А. Шепиевкера "Вражья сила" власовец, встретившийся на фронте с родным сыном, жертвует собою, чтобы спасти того; впрочем, безуспешно. Что до романа (ибо это, видимо, роман) Ю. Кашкарова "East-West", мы окончательно потеряли надежду в его смысле разобраться: действие переносится то в далекое прошлое, то в наши дни, то в Россию, то на Запад, лица сменяются, и ни одно из них не задерживается в памяти.

М. Дальтон делает попытку причислить к большой литературе Е. Нагродскую за ее историческую трилогию "Река времен". Полагаем, что ее место скорее между Всеволодом Соловьевым и Е. Салиасом, среди *dii minores*.

Стихи в номере, по большей части, вполне грамотные; но ни одно не производит сильного впечатления.

"**Stanford Slavic Studies**" №1. К числу самого ценного в номере отнесем публикацию Л. Флейшманом переписки Ю. Оксмана с Г. Струве. Отбывший 10 лет концлагеря на Колыме, Оксман чужд иллюзиям; он старается как можно больше правды и фактов сообщить своему зарубежному коллеге; а о правительстве и партии, угрожающе висящих над его собственной головой, отзывается с глубокими ненавистью и презрением. Жаль, что интересы Запада скорее были прикованы

в тот момент к Мандельштаму, чем к Гумилеву, о котором знавший его лично Оксман мог бы рассказать больше, чем он тут делает.

Хорошая рецензия Дж. Дэнлопа на фильм "Баллада о солдате" доказывает, что ему бы лучше оставаться в рамках своей исследовательской деятельности, а не строить плохо обоснованные и вредные политические концепции о необходимости расчленить Россию.

В. Залевский, в заметке о коллекции русской поэзии в Стэнфордском Университете, называет С. Волконского **графом**. Волконские — род княжеский, и такие вещи следовало бы знать.

Статью Г. Фрейдина "Authorship and Citizenship" сильно портит не критическое проведение параллели между царским и советским режимами; это — вещи весьма разные, и сравнение между ними в такой форме вносит путаницу.

А. Мейлах публикует пьесу Д. Хармса "Елизавета Бам", на которую часто ссылаются, но текст которой достать трудно.

Другие статьи в сборнике посвящены О. Мандельштаму, Е. Замятину, Р. Якобсону, А. Зиновьеву и Ю. Алешковскому.

"**Калифорнийский Вестник**" №№77, 78, 79 и 80. В. Сенотович продолжает и заканчивает свой очерк о готах в Западной Европе, к сожалению, по-прежнему искажая имена исторических персонажей, на сей раз испанских и арабских. Более любопытно его исследование о предках Пушкина; но зря он все время вступает в полемику с великим поэтом, не всегда убедительную и, так или иначе, мало уместную. Наоборот, заметка М. Шохиной о Пушкине в царскосельском лицее написана очень живо и занимательно.

Б. Ордовский-Танаевский резюмирует историю декабристов — и ничего не говорит об их намерении убить царя и истребить все семейство Романовых! Это делает его суждения, мягко сказать, однобокими.

Подлинный подвиг представляет собою составленное А. Шохиним обстоятельное описание жизни и творчества В. Даля, какого мы еще нигде до сих пор не читали, с массой интересных подробностей о нем как о человеке и о главном деле его жизни — "Толковом словаре русского языка".

А. Аристова поэтично и заманчиво рисует нам китайские сады в Сюйчжоу; это — наиболее яркая часть ее рассказа о путешествии в современный Китай.

В журнале заключено множество и иных материалов, заслуживавших бы упоминания: очерки о Чайковском, о Зоценко, разбор легенды про посещение святым Андреем России, — но обо всем не скажешь в кратком обзоре; отсылаем читателей к подлиннику.

В одном из двух рассказов И. М. о кошачьем племени встречается курьезный

эпизод. Автор и его семья меняли квартиру и не хотели брать с собою кошку, а оставить ее было некому. Поэтому они намеревались ее усыпить и обсуждали это за столом, при ней же. Она встала, ушла... и больше они ее никогда не видели. Вряд ли кошки понимают русский или иной человеческий язык; но что они хорошо улавливают чувства и настроения людей, рядом с которыми живут, это вне сомнения. И вот почему их не всегда легко обмануть.

"Часовой" №№ 666 и 667. Достоинство уважения, когда человек находит мужество публично заявить о своих ошибках, как это делает В. Орехов, отрекаясь от увлечения Горбачевым: "Значит, надо еще и еще раз признать, что пока в основном нет никаких серьезных надежд на наследников тиранов, Ленина, Сталина и прочих, и наше Отечество восстановится только в результате их исчезновения". Сомневаемся, прав ли он в своем дальнейшем прогнозе, но от души присоединяемся к его пожеланию: "И по нашему мнению, прогнивший советский строй рухнет сам собой. И думается, что это произойдет в не так далеком будущем".

В исследовании М. Перекрестенко о причинах первой мировой войны режут глаза нелепые написания вроде **Бертгольд** вместо **Берхтольд**, **Сцегеньи** вместо **Сечени** и **Сцапари** вместо **Сапари**. Журналисту следует знать, что по-венгерски *sz* читается как русское *с* (а *s* — как русское *ш*).

До крайности наивна мечта А. Барата, что кремлевские и пекинские бандиты вцепятся друг другу в горло на потеху Западу! Там и тут сидят твари бессовестные, но вовсе не глупые; и они понимают положение дел не хуже нас. Напротив, в другой статье, о пробуждении национального чувства в России, он же во многом прав.

Перепечатана статья давно покойного М. Каратеева о колониализме, где он доказывает, будто индусам при англичанах жилось лучше, чем при туземных раджах. Но прикинем на себя: хотели ли бы мы жить под властью немцев или там англичан? Традиционные правители (а коммунистов нигде у власти не было) были связаны с подданными языком, религией и культурой. Неудивительно, если местные жители их предпочитали чужим и надменным завоевателям. А сравнения тут же европейских колоний с нашими Кавказом и Средней Азией вовсе неуместны; речь о явлениях разного порядка.

Неприятно читать галиматью из-под пера В. Нилова о том, что будто варяги были не норманны, а славяне. Кого и зачем мы хотим обмануть? Себя? Или Запад? Но там никто в подобную антинаучную чушь не поверит.

"Новое Русское Слово". Статья В. Голицына "Имена племен и народов" в номере от 7

августа свидетельствует о сильном снижении культурного уровня газеты по сравнению с прежним. Вот каковы методы почтенного автора: "До сих пор пиренейские и гасконские баски называют реку словом **рио**. Так же звучит это слово и по-грузински". Но **rio**, это просто-напросто испанское слово, то же, что и итальянское и португальское **rio**; оно происходит от латинского **rivus** "ручей". При чем же тут грузины? Или вдруг сообщается нам: "В некоторых местах Уэльса до сих пор сохранился гельский язык, родственный кельтскому". Здесь ошибка громоздится на ошибку! В Уэльсе говорят на **валлийском** языке, и он — не **родственный** кельтскому, а один из живых кельтских языков. **Гаэльский** же язык принадлежит к другой ветви данных языков; на нем говорят в Ирландии и Шотландии. Или еще: "Есть гипотеза, что галлы, с которыми Рим долго вел войну, это те же галы, дальние предки англичан". Галлы были, конечно, тоже кельты; но жили во времена римлян в нынешней Франции, а в Британии — вовсе иные племена. Отсылаем автора к "De bello gallico" Цезаря. Настолько же глубоки и обоснованны высказывания г-на Голицына и о прочих этнонимах, славянских, германских, финских и др. Но жаль тратить время на анализ абсолютно несерьезных и ненаучных дилетантских его рассуждений. В качестве непререкаемого авторитета, он ссылается на заведомо подложную "Влесову книгу". Этого бы уж одного довольно, чтобы дискредитировать все его построения.

"Свободный мир" №5. Не совсем симпатичен подзаголовок: "Американский журнал на русском языке". Даже насквозь антинациональная "Русская мысль" все же не именует ведь себя **французской газетой**.

Однако, встречаются здесь и здравые соображения, в том числе в редакторской передовой: "И все ж таки неприятие Америки и западной демократии понять можно. Если оно в русле того, что говорил об этом в своей гарвардской речи А. Солженицын. Можно понять неприятие Америки, если речь идет о занимающем важные позиции либерально-демагогическом слое псевдоинтеллигентов — образованцев, не имеющих ни воли, ни желания защищать ни свободу, ни опирающие ее моральные и духовные ценности, утверждению которых посвящены и роман Достоевского и речь Солженицына".

Интересна статья Л. Давидович "Политика, евреи и выборы 1984 г.", главным образом тем, что автор анализирует растущий в мире, включая и в США, антисемитизм **слева**, и ставит вопрос о пересмотре американскими евреями их прежних позиций, в частности их традиционной поддержки демократической партии против республиканской.

В интервью, Р. Конквест делает следующие

наблюдения об изображении чекистов в книге "Архипелаг Гулаг": "Чего я не знал, и что мне дал Солженицын, состоит в том, что все эти люди были не просто оперативниками террора, жестокими, бесчеловечными и отвратительными, но были узколобыми, ухмыляющимися мучителями. Солженицын обрисовал их ужасную низменную злобность, ограниченность, пустоту. Он показал мир тупости и подлости, совершенно отличный от простой жестокости".

"Страна и Мир" №3. Анонимный голос из Советского Союза нас запугивает: "Чего хотят эмигранты? Поворота на 180°. Но ведь любой экипаж, самый оборотливый, при таком маневре опрокинется". Печально было бы, кабы так. Однако мы постоянно видим, что самые неповоротливые телеги и грузовики запросто поворачиваются, когда выясняется, что ехали неверным путем. Сперва останавливаются, затем меняют направление. Да и, признаться: ежели советская власть **опрокинется**, — мы плакать не станем!

И за кого этот голос хнычет: если-де выбросить марксизм-ленинизм на помойку, то десятки миллионов людей потеряют все ориентиры. Зря беспокоитесь, гражданин! Народ, он марксистскую пропаганду в одно ухо впускает, а в другое выпускает; а живет по совсем иным ориентирам. Вы только ему не мешайте и перестаньте ему навязывать свой **деревянный язык** и свою давно мертвую идеологию. Ну, а партийные бюрократы, может статься, на момент и растеряются; да и они быстро станут выполнять, что им велят; будь оно хоть и не похоже на прежнее.

Некий О. Баталин с далеко чрезмерным оптимизмом торопится возвестить: "Советский Союз — уже не тоталитарное государство!" Ой ли?

В статье об исламе Ш. Лемерсье - Кюлькюже ошибочно причисляет к мусульманам иезидов, кои суть дьяволопоклонники. Разбирая настроения мусульман в Российской Империи до революции, она не в силах скрыть, что те, в общем, вполне мирились со своим положением. О современности же она правильно отмечает: "Очевидно, что официальный советский ислам совершенно не способен удовлетворить минимальные духовные нужды населения". В то же время она констатирует, что атеистов в магометанских районах СССР не больше 20% жителей. Исследуя те же процессы, М. Ривкин уточняет, что число говорящих по-русски **советских людей** (как он выражается; а лучше бы — **подсоветских**) растет, но таких, которые бы "утратили родной язык между 1926 и 1977 годами", — очень мало (всего 1,1%).

Б. Комаров, вопреки своему обычно беспросветно пессимистическому взгляду, сооб-

щает, что в Северной Америке, где были приняты энергичные меры для охраны пострадавших от чрезмерной индустриализации озер, постепенно восстановилось естественное равновесие и даже возродилась казавшаяся исчезнувшей фауна. Значит, позволительно надеяться, что и у нас — спихнуть бы большевизм! — природу спасти еще удастся.

И №4. Надо бы переименовать: не "Страна и Мир", а "Ложь и Злоба"! И ядовитое жало обращено острием ко всем нам, к русскому народу. "Стихийным бедствием кочует по России шовинизм", — страшает Л. Сарин, добавляя: "омрачает бодрую горбачевскую эпоху **возрождения**". И хнычет: "Противодействие этой черной силе почти незаметно". А З. Вольфсон, глумясь, уточняет, какая это **черная сила**. Зачем мол жалуются: "Распяли батюшку-царя... Сгубили родную природу-мать... Стащили золото с московских сорока-сороков... Кто это все, кто? И доколе?"

Над чем смеетесь, Вольфсон? Нам — не смешно. И не подтасовывайте, Зло творили не одни евреи, конечно (никто такого и не утверждал!), а все вместе: евреи, русские, нацмены, иностранцы. Но вот пришел час: мы одумались и слезами раскаяния смываем свой грех. "Жертва Богу дух сокрушен".

И перед каждым лично встает вопрос, который Вы пытаетесь утопить в издевательствах. Кто пролил невинную кровь, кровь детей царя, и детей раскулаченных, и детей "врагов народа" (о взрослых пока не будем; но уж эта кровь, во всяком случае, была невинная)? Многие имеют право сказать: "Я к сему не причастен!" И благо им. Другие скажут: "Виноват, но горько сожалею". И таким можно простить (хотя и не всем!).

Но как быть с теми, кто говорит как Вы: "Юровский выполнял приказ своей партии, которая уничтожала и уничтожает своих противников" (О, как нам знаком сей металл в голосе чекистских отчетов о казнях!). Они, к какой бы нации ни принадлежали, пусть несут ответственность и расплачиваются, если не в земном мире, то в ином, перед лицом Всевышнего, сказавшего: "Мне отмщение и Аз воздам!"

Но только, если вы готовы повторить страшные слова: "Кровь их на нас и детях наших!", то произносите их за себя, а не за всех евреев. Отнюдь не все из них на Вашей стороне, а немало с Вами и совсем не согласно.

Вы вот с яркой ненавистью упрекаете русских в еврейских погромах. Но как давно они происходили! Вряд ли найдутся у Вас читатели, видевшие своими глазами еврейский погром, и уж наверно ни одного, принимавшего когда-либо участие в погроме. А вот разрушение русской культуры, всероссийский погром Церкви, крестьянства, интеллигенции,

расстрелы, концлагеря, — этот погром мы помним все; он и посейчас не закончился. И потом: там жертвы считались единицами, от силы десятками, а у нас — миллионами.

Р. Шапиро более культурным слогом излагает примерно те же мысли, да еще и старается разжечь вражду между народами России. Один лишь Л. Тимофеев (перепечатанный из "Гласности") подходит к проблеме более или менее объективно и разумно.

Американский журналист Р. Терриль воспекает красный Китай на полном серьезе, — но получается прямо-таки пародия! Продают и едят мышей, — он кричит о благосостоянии масс; в харчевне он наблюдает блуд, пьянку и поножовщину, — и умиляется: сколько свободы!

В эссе "Бунт в гареме" А. Игнатенок обобщает: "Большинство белорусов предпочитает "Советскую Белоруссию" и "Знамя Юности" (на русском языке) белорусским газетам "Звезда" и "Чырвоная Змена". Почему белорусы отрекаются от своего языка? Почему советская власть силком заставляет их все-таки принимать какую-то дозу национальной микстуры?" Такие явления нетрудно объяснить, да сама Игнатенок их отчасти и объясняет. Но безусловно, что в ее словах нет ни любви, ни жалости по отношению к белорусам.

Дальше она восторгается советским историком Тарасовым, утверждающим, будто белорусы были счастливы под властью Речи Посполитой, и очень высоко оценивающим, как прогрессивную меру, введение унии. А нам помнится, что белорусский народ стойко и смело против польского ига боролся во многообразных формах (иное дело, пока Великое Княжество Литовское еще существовало как формально или фактически независимое).

"Форум" №17. Бурный культ Горбачева как-то увязывается с мечтами о расчленении России. "Память" объявляется врагом №1: "Новый вариант черносотенного Союза Михаила Архангела". Редакция услужливо подсказывает кремлевскому генсеку меры, какими лучше этих черносотенцев задушить.

Трогательный союз злодеев!

В отделе критики В. Барский рекламирует стихи Е. Шварц, специально одобряя такие вот:

Россия хлынула, дурна, темна, пьяна.

Понятно: подобный именно образ России и нужен ее врагам.

Изобильные перепечатки всякого старья

вряд ли кого-либо в чем-либо убедят. Украинские писатели, как Хвилевой и Зеров, в 20-е годы, могли верить в коммунизм; но кто верит сегодня? Милюков был плохой политик и плохой историк. Грушевского во многом можно поставить под сомнение. Впрочем, и перевод его статьи строится на дешевом подлоге: вместо **русский**, пишется **руський** (слово по-русски немыслимое!), а читается **украинский**.

Ненависть Грушевского к великороссам общеизвестна. Более курьезно, что он также старается, настойчиво и несправедливо, преуменьшить, в пользу украинского, белорусский вклад в культуру восточного славянства (вклад, в некоторые периоды истории, весьма значительный).

"Синтаксис" №18. Гвоздь номера — фиктивные записки чекистки 20-х гг., Маши Семенович. Тут и лирика — страдания от неразделенной любви (к комиссару), — и пафос (сам Феликс Эдмундович ее потрепал по плечу!); а нам все же противно. В СССР нормально такое печатать, — но за границей?!

Остальное — надутое интеллектуальное ломание в форме статей о литературе и о живописи. Пользы от них нет; но и вреда меньше, чем от политических выступлений "Синтаксиса".

"Cahiers du Monde Russe et Soviétique" №№ XXVII (3—4) и XXVIII (1). А. Попович прослеживает судьбу мусульман в Болгарии от момента ее освобождения от турок и вплоть до наших дней. И. де Мадарьяга старается восстановить биографию и карьеру французского авантюриста Б. Фуд де Ла Невиля, посетившего Россию в правление Софьи Алексеевны. Б. Думерг изучает деятельность венецианцев в районе, где позже находился Азов, в XV в. Дж. Кип сравнивает военные суды во Франции при Луи-Филиппе и в России при Николае I.

Г. и В. Имар разбирают роман Ч. Айтматова "Плаха". Из их анализа мы ничего существенного не узнаем ни о писателе, ни об его произведении; зато видим ясно, что авторы статьи являются ожесточенными и ограниченными русофобами.

Опубликованные тут же записки подсоветского обывателя, некоего И. Шитца, относящиеся к 20-м гг., носят явный отпечаток подлинности: шахтинский процесс, борьба с религией, обнищание народа, глупая и навязчивая большевистская пропаганда, — все это нам хорошо знакомо; а Западу, кажется, непонятно и посейчас...

Н. ВОЕЙКОВ

РОССИЯ, США И ЮБИЛЕЙ СТАТУИ СВОБОДЫ (1886-1986)

Мало кому известно, что кроме редких книг и рукописей, разбазаренных Советами после революции заодно с шедеврами Эрмитажа, в Публичную библиотеку города Нью-Йорка попал любопытный документ: роскошно иллюстрированный альбом снимков сооружения знаменитой Статуи Свободы, построенной сто лет назад и недавно реставрированной. Составил альбом и поднес его брату Государя Александра III, Великому Князю Владимиру Александровичу, творец Статуи, эльзасец-француз Фридрих Бартольди (1834—1904).

В связи с сооружением этого памятника интересно коснуться вкратце некоторых исторических фактов касательно русско-американской дружбы, начисто замолченных в наше время. Скульптор Бартольди в Париже вращался в кругах, враждебных Наполеону III, недавнему вдохновителю Крымской войны. Круги эти, между прочим, справедливо укоряли правительство за его поддержку неготорговцев и жестоких рабовладельцев Южных Штатов Америки. На их плантациях производился хлопок, необходимое сырье для текстильной промышленности Франции, а особенно Англии, где начиналась эра механизации производства. Для удешевления труда неготорговцы привозили из Африки и Антильских островов живой товар (включая жен и детей рабов) на южные плантации, где происходили унизительные торги. Несчастные влачили там жалкое существование, лишённые всех прав человека, под произволом алчных хозяев, как это описано в знаменитой книге американки Бичер-Стоу (1811—1896) "Хижина дяди Тома". Лицемерная Англия, принужденная в 1833 году под давлением возмущенных протестантских кругов официально отменить работорговлю, всячески поощряла неготорговцев и выгодную для нее хлопковую промышленность: когда в 1861 году президент Линкольн начал войну против эксплуататоров, Англия и Франция поспешили признать Южные Штаты как государство и всемерно вредить Северным. Под видом торговых судов премьер лорд Пальмерстон снаряжал военные, наносившие большие потери и убытки Федералам. Со своей стороны, Франция всячески содействовала южанам, преследуя свои интересы, чем открыто возмущались в Париже сторонники освободительной политики Линкольна, среди которых находились скульптор Бартольди и проф. Лабуле. Вс время вспыхнувшей гражданской войны, продлившейся четыре года, многие добровольцы пробирались в Северную Америку и вступали в ряды северян, а когда пришла в столицу весть об убийстве Линкольна, его вдове была отправлена особая медаль работы Бартольди, на которой впервые находи-

лась надпись об его намерении сооружения Статуи Свободы, как символа того идеала, которому президент посвятил свою жизнь, законом 1863 года уничтожив рабство во всех штатах Америки.

Позиция, занятая Линкольном против рабства, грозила Англии беспорядками, особенно в Индии, где проводилась жестокая колониальная политика, а затяжка гражданской войны в Америке наносила торговым интересам Лондона большой ущерб, что вынуждало Англию к решительным действиям против северян. Уже в союзе с Францией готовилась Пальмерстоном военная интервенция в пользу Южных Конфедератов, когда произошло нечто совершенно чудесное и спасительное для Вашингтона. Царь-освободитель Александр II, в ответ на секретное прошение о содействии правому делу Линкольна, отправил ему дружественное обращение, подчеркивая общность русских и американских идеалов человечности, и в сентябре 1863 года была тайно снаряжена так называемая американская экспедиция русского военного флота. Боевая эскадра из 12 судов под командой адмирала Лесовского направилась из Кронштадта в Нью-Йорк и из Владивостока в Сан-Франциско, причем нашим морякам приказано было открыть огонь по любым военным судам в случае их угрозы Штатам. Событие это потрясло Европу и ошеломило Англию, принудив ее сильнейший в то время военный флот отказаться от выступления против Линкольна, во избежание немедленной войны с Россией. Русская эскадра, всюду встреченная с энтузиазмом и благодарностью, таким образом, обеспечила победу северян над южными рабовладельцами. Эскадра пробыла в Америке до июля 1864 года и, в знак благодарности, из Вашингтона Линкольн отправил к Александру II особую депутацию, закрепляя этим дружбу между двумя государствами, что следует отметить как исторический факт, так как этим Россия способствовала не только уничтожению рабства, но и закреплению США как суверенной державы. Престиж Российской Империи возвычился в глазах всего мира ("Российская Военная Энциклопедия", 1910 г.).

Благородный жест императора в пользу освобождения угнетаемых южных рабов был также оценен во Франции, несмотря на политику Наполеона III содействия польским повстанцев в том же 1863 году. Друзья Бартольди и Лабуле твердо решили запечатлеть победу Линкольна над неготорговцами сооружением в гавани Нью-Йорка давно задуманной статуи Свободы, но не хватало средств... В июне 1872 года Бартольди прибыл в США и заручился поддержкой некоторых видных

американцев, как сенатора Сомнера в Вашингтоне, поэта Лонгфелло в Бостоне и натуралиста Агассиса. Этот знаменитый ученый оказался членом московского общества натуралистов, много рассказавшим ему о России. Средства поступали скудно, и на выставку в Филадельфии Бартольди удалось привезти лишь правую руку гигантской статуи, державшей факел, а в 1878 году, на Парижской выставке, где выделялись замечательные русские экспонаты, только голову статуи. Члены русской делегации, с которыми подружился Бартольди, посоветовали ему прибегнуть в свою очередь к известной щедрости России. Он составил

обширный альбом фотографических снимков всех этапов постройки статуи, о которой тогда уже много говорили. Через посредство своих русских друзей он в 1883 году поднес альбом Великому Князю Владимиру Александровичу, бывшему тогда председателем русской академии художеств, известному покровителю искусств. Подношение Бартольди было принято, необходимые средства для постройки найдены, и в 1886 году статуя оказалась во всем своем блеске в Нью-Йоркской гавани, где спустя сто лет был отпразднован ее юбилей.

Протоиерей Д. КОНСТАНТИНОВ

ПРИТЧА О БОГАТОМ И ЛАЗАРЕ

Притча о богатом и Лазаре, как всякая евангельская притча, поучает и одновременно часто смущает слабоверных людей. Для многих из них безмятежное довольство богатого и рядом несчастный больной Лазарь, лежавший у порога его богатого, роскошного дома, — нечто не уместяющееся в их сознании, в их понимании справедливости. Притча о богатом и Лазаре довольно кратка, но насыщена до предела глубоким содержанием, вызывающим подчас длительные споры, размышления и даже разночтения в смысле понимания прочитанного (Лука XVI, 19—31).

Богатый попал в ад совсем не потому, что он был богат, а за свое немилосердие, за тот "стиль" жизни, который называется ее греховным, бездумным прожиганием. Лазарь попал в рай не потому, что он был нищим, а за свое смирение, кротость и незлобие, утвердившиеся в нем на фоне его беспросветной жизни. И вот здесь возникают вопросы, начинающиеся с "почему?". Их много, но, в основном, они все сводятся к недоумению о судьбах человеческих, якобы не уместяющихся в понятии справедливости. И среди этих вопрошаний доминирует вопрос: почему мы часто видим людей невысокого нравственного уровня, иногда даже откровенных преступников, которые всю свою жизнь живут в роскоши, позволяя себе буквально все, что они захотят, сочетая довольно часто подобного рода жизнь с известностью и раболепством перед ними, со счастливой личной жизнью и т. п.? Наряду с этим мы часто видим достойных во всех отношениях людей, людей верующих и богобоязненных, а иногда просто по своей природе очень близких к христианству, которые всю свою жизнь проживают почти в нужде, в болезнях, несчастях, изнемогают под бременем, накотившимся на них. Такова реальность, которую мы весьма часто наблюдаем в жизни, реальность, вызывающая прежде всего неизменный вопрос — "почему?" На этот

вопрос мы постараемся ответить в пределах имеющихся возможностей.

Указанные реальности, постоянно встречающиеся в нашей жизни, вызывали недоумения на протяжении всей истории христианства. Они в свое время достигли такой остроты, что святитель Иоанн Златоуст обратился по этому вопросу к христианам, обуреваемым смущением и недоумением в связи с благодетельной жизнью нечестивцев и преступных людей. По мнению святителя, на земле нет такого человека, который бы был абсолютно зол. В нем сохраняется всегда какая-то частица первоначального добра. В своей жизни даже отъявленные злодеи иногда совершают добрые поступки, выходящие из общей линии поведения этих людей. Эти добрые дела, отмечает святитель, по Божьему правосудию должны принести творящим их какую-то награду. И эта награда дается. За добрые дела, сотворенные в ходе своей совсем недоброй жизни, эта награда выдается таким людям еще здесь, на земле, в виде долгой и благополучной во всех земных отношениях жизни. Как отмечают современные богословы, она выдается во всей полноте и даже с избытком. А дальше, после смерти, следует расплата за содеянные тяжкие и нераскаянные грехи, лишение посмертной блаженной участи, пребывание в злой и неизбежной вечности. И святитель предупреждает: если бы мы знали неизбежную злую вечную участь нечестивых, то едва ли мы стали бы завидовать им или недоумевать в связи с их жизненными успехами.

Но грешат и люди абсолютно или относительно праведной жизни. В сущности все они не могут прожить ни одного дня и не согрешить. И наряду с этим эти люди проявляют крепкую веру, всежизненно служат Церкви Христовой, совершают подвиги исповедничества, делают немало добра. В их жизненном балансе положительное неизмеримо перевеши-

вает отрицательное. Но и положительное и отрицательное должно получить праведное мздовоздаяние. Но в этом случае расплата за грехи совершается здесь, на земле, чтобы они могли избежать последствий за свои грехи в царствии будущего. По Божьему правосудию каждый грех должен получить праведное мздовоздаяние. Поэтому Господь попускает своим верным людям в этой жизни перенести болезни, беды, нападки от злых людей, искушения вражеские, особенно обильно сыплющиеся на этих людей. В этих бедах и напастях, в горе и печали, в борьбе с вражескими неотступными нападениями не сдаётся, а крепнет дух человека, особенно тогда, когда понимает он, почему и отчего случилось все происходящее с ним. Поэтому святые отцы неоднократно отмечали, что всякого рода жизненные беды, особенно случающиеся в конце нашей жизни, часто означают ничто иное, как милость Божию, как заботу о нас вышних сил. И что земное благополучие никак не может быть критерием оценки нашего духовного состояния.

Вот что пишут по данному вопросу современные российские богословы: "Жизнь человека Божия скорбна. "В мире будете иметь скорбь" (Иоанн XVI, 33), "терпением вашим спасайте души ваши" (Лука XXI, 19). "Блаженны плачущие ныне, — говорит Господь, — ибо воссмеетесь" (Лука, VI, 21). И если безропотно человек все переносит, то здесь и страдает за свои грехи, чтобы там блаженствовать вечно. Благодушно перенося все посылаемое нам прискорбное и трудное, мы должны благодарить Господа не только за счастливые обстоятельства, но и за скорби. Многими скорбями подобает нам войти в Царство Небесное. "Претерпевший же до конца спасется" (Марк, XIII, 13). Итак, не будем никогда роптать или удивляться благоденствию злодеев".

И еще одно удивительное и утешительное

для верующих людей обстоятельство. В дни расцвета нашей земной жизни мы часто и довольно упорно не понимаем, почему с нами происходят те или иные обстоятельства. Не понимаем и происхождение их, относя все случающееся с нами ко всякого рода "совпадениям" и "случайностям". Но когда мы подходим к концу, к пределу положенной нам жизни, то кое-что начинает проясняться. Перед нами открывается удивительная картина происходившего на нашем жизненном пути, целая система "совпадений" и "случайностей", совсем не случайная, в основе которой лежит открывающаяся нам Благая Воля, располагавшая нашими обстоятельствами, незримо расставлявшая фигуры на нашем жизненном пути, иногда подсказывавшая нам те или иные решения, благословляемые последующими результатами. И это не просто слова, но абсолютные и бесспорные реальности, которые открыты для всех, кто без предвзятости подойдет к анализу своего жизненного пути.

С этой точки зрения надо подойти и к тем жизненным обстоятельствам, которые так или иначе "соединяют" нас с евангельской притчей о богатом и Лазаре. И как бы ни было трудно нам, как бы ни хотелось получить облегчение от наших горестей и болезней, от всего того, что ложится, на первый взгляд, непомерной тяжестью на нашу жизнь, как бы ни был соблазнитель легкий и беззаботный стиль жизни, сопровождаемый жизненным успехом у людей, с которыми мы так или иначе соприкасаемся, всегда надо вспоминать исполненные тихой мудрости поучения святых отцов, много внимания уделивших этой достаточно сложной проблеме. В конце концов, мы ведь сами выбрали в своей жизни Христа. А если так, то мы неизбежно должны нести и крест Христов, помня обетование Спасителя, что претерпевый до конца спасется.

В. ПИРОЖКОВА

ВТОРОЙ КРОНШТАДТ

В середине ноября 1987 г. в Румынии, в провинции Зибенбюрген, в городе Кронштадт (Брасов) произошел мятеж рабочих. Их хотели сразу после работы в грузовиках везти голосовать на выборах в местные советы. Но рабочие стали кричать: "Мы в концлагере", "Мы хотим свободы", "Мы хотим хлеба", "Смерть Чаушеску!" Были бои с войсками румынского КГБ (или с милицией, в тот момент, когда я пишу, сообщения еще неясны), убито два милиционера и немало гражданских лиц. Много арестов.

Когда журнал с этой статьей выйдет в свет, то в Румынии может еще многое произойти или пока ничего не произойти. Квартальный журнал не годится для сообщения актуальных

новостей. Поэтому мы пока ограничимся обрисовкой положения в Румынии и напомним аналогичные происшествия в других сателлитах в прошлом.

Положение населения в Румынии хуже, чем во всех других странах-сателлитах. Чаушеску — это румынский Сталин. Его культ разросся до чудовищных размеров. Только одно отличает его от Сталина: он собрал на верхах руководства свою семью. Огромную роль играют его жена Елена и сын Нику. Так же, как Сталин, он гнал в хвост и в гриву индустриализацию страны, настроил разных нерентабельных громад. Жестоко была проведена коллективизация с тем результатом, что в Румынии, где прежде можно было объедать-

ся дешевыми продуктами, теперь люди голодают больше, чем в любом другом коммунистическом государстве, кроме, может быть, Эфиопии и Мозамбика. В Румынии — продовольственные карточки и, несмотря на это, стоят громадные очереди. В Кронштадте, между прочим, был разграблен магазин для партийцев, где имелись привозные продукты.

Прошлую зиму румыны отчаянно мерзли. Квартиры и бюро почти совсем не отапливались. Сейчас мы опять на пороге зимы, а положение не только не улучшилось, оно даже ухудшилось. Еще до восстания рабочие в Кронштадте уже писали на стенах: "Нам все равно, умрем мы с голода, замерзнем или нас застрелят". Больных в пенсионном возрасте в больницы в Румынии не принимают: они уже не нужны для продуктивной работы. Таково положение.

Но брожение сильно во всех сателлитах и в Югославии, где коммунистический режим тоже трещит по всем швам.

Мы не будем гадать о том, как поступит Горбачев, если в Румынии или в других сателлитах создастся ситуация Венгрии 1956 г. или Чехословакии 1968 г., т. е. в тот момент, когда этот номер журнала выйдет в свет, может быть, надо будет писать не о том, как Горбачев поступит, а о том, как он поступил. Так что пока подождем.

Но бросим взгляд на ситуацию на Западе. Сейчас для демократических стран, для их политики самым неприятным было бы восстание в коммунистических странах. Вся политика демократических государств направлена на сотрудничество с государствами коммунистическими. Рейган хочет войти в историю "великим миротворцем" и потому спешит заключить с СССР договора, которые бы до известной степени обнажили Европу в военном отношении. Западная Германия всячески заигрывает с ГДР. А канцлер Коль даже помчался в Мозамбик, чтобы за счет немецкого налогоплательщика спасти марксистский режим в Мозамбике, где антикоммунистические повстанцы имеют, последнее

время большие успехи. Из Мозамбика он накинудся на ЮАР, все же, к счастью, отказавшись от санкций против нее.

Все восстания в сателлитах происходили каким-то роковым образом в конце президентского периода данного американского президента: 1956 г., 1968 г. и конец 1979 в Афганистане, тоже время, недалекое от новых выборов. И сейчас уже осталось меньше года до следующих американских президентских выборов, и американский президент становится понемногу "хромой уткой". Меньше всего ему хотелось бы как раз в конце своего президентского срока вмешиваться в волнения внутри коммунистического блока или поддерживать борцов уже не только за свободу, но просто за хлеб насущный. Можно оказать им милостыню: послать зерно, но никак не поддержать в стремлении обрести свободу самим производить свой хлеб. Рейган мог бы, казалось, рискнуть больше, т. е. он уже все равно не может больше кандидировать, не то, что, например, Эйзенхауэр в 1956 г. Но Рейган так явно переменял свой сначала твердый курс, и его допекают собственные внутренние проблемы, связанные со слабой биржей и падением доллара, хотя эти проблемы ничтожны по сравнению с проблемами населения Румынии, которое стоит перед вопросом "быть или не быть" в прямом смысле физического существования. Но ведь тот, кто никогда не голодал и не мерз, не может понять, что это значит.

Итак, нужно предполагать, что демократические страны будут желать, чтобы в коммунистическом лагере все осталось тихо, чтобы люди голодали, мерзли и умирали втихомолку. Но, как и в отношении Горбачева, может случиться, что когда этот журнал выйдет в свет, придется говорить об образе действий демократических стран уже в прошлом времени. Поэтому мы пока закончим. В зависимости от того, произойдет ли что-либо в ближайшие месяцы, мы можем написать потом больше.

Полемиические заметки

Генрих ШАХНОВИЧ

ДЕНЬ ПЕХОТИНЦА

Назовите мне армию, где безоружных солдат посылали в атаку, напустив приказом:

— Оружие добыть в бою!

И добывали: за добытками стояли пулеметики.

Я не знаю, сколько счастливицков возвращалось из боя, но я знаю, что врага можно успешно бить его же оружием.

Можно назвать такую армию. Это Советская Армия.

Сейчас мне вспоминается давний эпизод, который, казалось бы, не имеет отношения к вышесказанному.

Когда я был пацаном, у нас при доме пионеров образовался "Кружок юных собаководов". Я немедленно вступил в него.

На первом же занятии инструктор поставил перед нами задачу: каждый обязан воспитать служебную собаку. А что же должна собака? Не много. Обвязанная гранатами, броситься

под танк.

Больше на занятия я не ходил.

А теперь пусть специалисты по воспитательной системе Макаренко на досуге придумаются: как отразится на психике ребенка подобные экзерсисы?

Школьник, сегодня натаскивающий собаку-самоубийцу, завтра вполне созреет на должность палача из заградотрядов, погоняющего обреченных добыть оружие в бою. Разве можно сосчитать, сколько поколений детских душ искалечили наши педагоги, ставя в пример Павлика Морозова? Теперь не устают повторять: трезвость — норма жизни. С каких пор? Норма жизни — доноительство. А оно как-то сподручней именно в угарном состоянии.

Мне уже приходилось писать, что в СССР широко отмечаются день танкиста, артиллериста и прочих рядов войск, имеющих материальную стоимость.

А вот для пехотинца нет. Не отмечают. Почему? Потому что солдат ничего не стоит, если не считать обмундирования "БУ" (бывшего в употреблении). Тем более, что оружие он добыл в бою совсем бесплатно.

"Гибель миллионов — это статистика", — разъяснял своему народу бывший вождь. "Гибель единицы — это трагедия".

Я думаю, нет нужды уточнять, кого он подразумевал под той самой единицей, потеть которую трагедия.

Права человека начинаются с права быть человеком. И, может быть, поэтому интернациональный долг во время гражданской войны в Испании исполняли интербригадовцы многих стран, а интернациональный долг в Афганистане — только "ограниченный контингент советских войск".

И продолжает исполнять: до трагедии далеко, а статистика — дело наживное.

И если другой, уже секретной статистике, известно, сколько калек вернулось на родину из Афганистана, то сколько вернется домой наркоманов — неведомо никому.

Как видите, светлое прошлое тесно пере-

плелось с настоящим и будущим.

А наше настоящее и будущее неразрывно связано с контролем над гонкой вооружения, с так называемым равновесием сил.

Против этого, кажется, никто не возражает.

На мой взгляд, весь вопрос состоит в том, как понимать равновесие сил. Что оно такое? Можно ли считать равновесием положение, когда на одной чаше весов лежит хлеб, а на другой — чугунное ядро?

Под равновесием сил принято понимать равное количество равноценных боевых единиц.

Мне думается, подобное решение вопроса принципиально неверно.

Равновесие сил не арифметика, но психология. Русская армия, покидая Москву, сожгла ее. Французская, уже имея прецедент, покидая Париж, пощадила столицу.

Ведь одна пуля действительно дура против двух штыков. Тут уж, бесспорно, одна убойная единица со штыком наперевес окажется в перевесе. Конечно, один штык при этом будет пулей-дурой сражен, но ведь это только статистика.

Мой знакомый во время войны командовал артиллерийской батареей. Получил приказ: перед атакой произвести артподготовку. Батарея открыла огонь. Новый приказ: хватит! Экономь боезапас!

И пехота пошла в атаку.

Я не знаю, каким количеством сэкономленных снарядов сколько можно было сэкономить человеческих жизней.

Но ведь я уже упоминал о том, что в СССР день пехотинца не отмечается.

Именно этот, не отмечаемый день, должен быть поставлен в основу любых переговоров о равновесии сил.

Пока день пехотинца отсутствует в советских "святцах", отчаянию обреченных может противостоять только такое оружие, которое невозможно добыть в бою. Оружие, которое остановит агрессора задолго до рукопашной схватки.

ГОД СКОРБИ И НЕПРИМИРИМОСТИ (Заявление Конгресса Русских Американцев)

Из-за задержки с почтой мы печатаем это обращение с опозданием и просим извинения у Конгресса русских американцев.

РЕДАКЦИЯ

В течение шести лет Конгресс Русских Американцев ежегодно отмечает очередную годовщину "великой октябрьской революции" как ДЕНЬ СКОРБИ И НЕПРИМИРИМОСТИ, издавая по этому случаю соответствующие декларации, которые посылаются президенту Соединенных Штатов, сенаторам, конгрессменам, губернаторам штатов, мэрам городов и представителям средств массовой информации.

Цель этого мероприятия направлена на то, чтобы привлечь внимание американского правительства и американской общественности к страшным последствиям событий 7-го ноября

1917 года и страданиям русского и других народов, находящихся под властью коммунистической диктатуры.

В ответ на наши обращения ряд губернаторов штатов и мэров городов выпускают официальные прокламации, в которых они осуждают тоталитарную сущность коммунистической власти, выражают сочувствие русскому и всем поработенным коммунизмом народам и объявляют 7-е ноября текущего года ДНЕМ ТРАУРА по всем жертвам интернационального коммунизма. Одновременно в Ведомостях Конгресса Соединенных Штатов (Congressional Records) помещаются идентичные заявления членов Палаты Представителей и приводится текст Декларации Конгресса Русских Американцев.

В этом году, в связи с приближением семидесятилетия существования советской власти, Конгресс Русских Американцев, на своем 7-м Всеамериканском съезде, состоявшемся в Калифорнии 23–25 мая, постановил объявить 1987 год ГОДОМ Скорби и Непримируемости и издал декларацию, русский текст которой приводится ниже.

Заблаговременно помещая на страницах газет и журналов эту декларацию, мы надеемся, что она найдет отклик и поддержку не только среди российских организаций в США, но и в широких кругах всего российского зарубежья, и что российские организации, последовав нашему примеру, проведут подобные акции во всех местах своего рассеяния и обратят внимание правительств своих стран, общественных кругов и прессы на истинный смысл празднуемого коммунистической партией Советского Союза "Дня Революции" и убедят их в необходимости почтить в этот день память всех бесчисленных жертв коммунизма и выступить в защиту тех, кто несмотря на "гласность" и "амнистию" продолжает еще томиться в тюрьмах, концлагерях и психиатрических лечебницах за свои религиозные и политические убеждения или правозащитную деятельность.

Мы думаем, что чисто гуманитарная направленность данной акции не может быть препятствием для участия в ней организаций самых разнообразных направлений, включая церковные, благотворительные и культурно-просветительные.

Организации, желающие получить английский текст нижеприведенной декларации и образец полученной нами в прошлом году прокламации от одного из губернаторов, могут обратиться в канцелярию Конгресса Русских Американцев по следующему адресу:

Congress of Russian Americans, Inc., P.O.Box 818, Nyack, N.Y. 10960, USA.

В. Коссовский,
по поручению Главного Правления
Конгресса Русских Американцев

Д Е К Л А Р А Ц И Я ГОДА СКОРБИ И НЕПРИМИРУМОСТИ

7-го ноября этого года коммунистическая партия Советского Союза будет праздновать семидесятилетие захвата ею власти в России.

Конгресс русских американцев ежегодно напоминает о том, что события 7-го ноября 1917 года явились не только началом страданий многомиллионного народа под игом коммунизма, но и началом общечеловеческих бедствий.

В этом году, по случаю семидесятилетия советской власти и ввиду мировой политической напряженности, вызванной существованием коммунистической сверхдержавы, мы должны напомнить, что коммунизм был импортирован в Россию в прошлом веке с Запада и с Запада, в критические для России годы первой мировой войны, было импортировано в нее руководство коммунистической партии большевиков во главе с Лениным, в результате чего было уничтожено Российское государство и на его месте был создан Союз Советских Социалистических Республик, в котором, путем обмана и насилия, началось построение первого в мире коммунистического общества, стоившее народу неисчислимых страданий и свыше шестидесяти миллионов

человеческих жизней.

Однако на протяжении нескольких десятилетий западный мир не только игнорировал проводившийся у него на глазах чудовищный коммунистический эксперимент, но и всячески поддерживал советскую власть вплоть до отдачи ей после второй мировой войны стран Восточной Европы и насильственной выдачи около 3-х миллионов советских граждан и бывших военнопленных, не желавших возвращаться в Советский Союз.

"Посеявший ветер пожнет бурю", и теперь не только западный мир, но и все человечество пожинает плоды преступной политической игры, приведшей мир к катастрофическому положению, из которого современные политические деятели не могут найти выхода.

Поэтому, в связи с семидесятилетней годовщиной роковых событий 7-го ноября 1917 года и переживаемыми всеми в настоящее время их последствиями, мы, участники Седьмого Всеамериканского съезда Конгресса русских американцев, объявляем 1987 год ГОДОМ СКОРБИ И НЕПРИМИРУМОСТИ.

СКОРБИ по всем жертвам коммунизма и о всех тех, кто, поверив коммунистическому

обману, пошел за "призраком коммунизма", и о всех тех, кто в своем ослеплении загубил невинные человеческие жизни и собственные души.

НЕПРИМИРИМОСТИ по отношению к воплощению ЗЛА в лице коммунизма и любой тоталитарной системы, попирающей Божеские и человеческие законы, преследующей религию и лишаящей людей свободы и элементарных человеческих прав.

Происходящая в настоящее время в Советском Союзе "перестройка" и связанные с ней у некоторых иллюзии и даже надежды не дают нам основания отказываться от нашей непримиримости к коммунизму, а тем более от проявления скорби по его жертвам, так как мы расцениваем производимые нынешним советским руководством реформы всего лишь как тактический маневр для спасения и укрепления власти, ценою ряда вынужденных уступок народным требованиям — уступок подчас даже для нее рискованных, но не меняющих ее тоталитарной сущности.

Переговоры об атомном разоружении, которые следует только приветствовать, если они действительно могут привести к полному уничтожению атомного оружия, не свидетельствуют еще об отказе советского правительства от выполнения им "интернационального долга", под которым подразумевается создание и поддержка во всем мире коммунистических революционных очагов, предназначенных для осуществления мировой коммунистической революции, и не исключают возможности военного столкновения.

Судьбы народов неразрывно связаны между собой, особенно в наш век технического прогресса и расщепленного атома, и все мы несем ответственность за наше общее будущее, которое должно быть построено на взаимопонимании, взаимоуважении и доверии. Гарантией доверия может быть только повсеместное соблюдение Божеских и человеческих законов, защищающих незыблемые права человеческой личности.

Исходя из вышеизложенного, мы повторяем нашу прошлогоднюю просьбу к законодательным органам и правительству Соединенных Штатов Америки о проведении государственного закона, объявляющего 7-е ноября официальным ДНЕМ ТРАУРА по всем жертвам

интернационального коммунизма с обязательным спуском в этот день по всей стране государственных флагов на полмачты.

Одновременно мы напоминаем о предложенной в 1985 году конгрессменом Робертом К. Дорнаном резолюции № 309 и внесенной в том же году сенатором Джеймсом А. Макклелором поправке к законопроекту о бюджете Государственного Департамента за № 883 и просим прекратить практику поздравлений 7-го ноября правительства Советского Союза, а тем более его населения, с "Днем революции", так как этими поздравлениями правительство Соединенных Штатов санкционирует от имени американского народа все совершенные и совершаемые советской властью внутригосударственные и международные преступления. Подобные поздравления являются оскорблением памяти сотни миллионов жертв коммунизма и неуважением к американским гражданам, оплакивающим гибель своих близких в коммунистических странах.

В прошлогодней декларации Дня Скорби и Непримиримости мы писали, что перед свободным демократическим миром встанет принципиальный вопрос морального порядка о том, какую позицию он займет по отношению к юбилейным торжествам коммунистической партии Советского Союза? На чьей стороне он будет 7-го ноября 1987 года? На стороне угнетенных или угнетателей? На стороне законности или беззакония? И что ответы на эти вопросы со стороны мировой общественности определят дальнейшую судьбу человечества.

Поэтому мы обращаемся к Сенату и Палате Представителей с просьбой провести закон о ДНЕ СКОРБИ по всем убитым и замученным жертвам коммунизма и постановить отмечать этот день ежегодно 7-го ноября.

Мы просим Президента и Государственного Секретаря прекратить поздравления населения Советского Союза с "Днем революции" и

просим всех губернаторов, мэров городов и штатные и местные легислатуры повсеместно объявить 7-е ноября ДНЕМ ТРАУРА по всем погибшим жертвам интернационального коммунизма, число которых в настоящее время достигло во всем мире 100 миллионов человек.

Конгресс Русских Американцев

Д. ШТУРМАН

ГОРОДУ И МИРУ. ПУБЛИЦИСТИКА СОЛЖЕНИЦЫНА (Глава из книги, готовящейся к выходу в изд. "Третья волна")

Мы, выходя из СССР, часто слышим от западных советологов, что имеем склонность преуменьшать их познания и исследовательские заслуги в областях русской и советской истории, русской и советской социологии.

Возможно, в отдельных случаях наши оппоненты правы, отводя нашу критику. Но вот прошло десять лет после выступления Солженицына на приеме в Гуверовском институте, и один из влиятельнейших (политический

советник трех президентов!) советологов издает книгу, нагляднейше демонстрирующую тупиковые парадоксы западной советологии, отмеченные Солженицыным далеко не в одной этой его речи. Я имею в виду книгу Збигнева Бжезинского "План игры. Геостратегические рамки для ведения конфронтации между США и Советским Союзом"*. На "План игры" восхищенно откликнулись Никсон, Картер и Рейган. С первых же страниц книги СССР определяется как "коммунистическая великорусская империя", "современная великорусская империя" (выд. Д.Ш.), как органическое продолжение российской имперской политики, сознания, идеологии. Термины "русский" и "советский" отождествляются и подменяют друг друга. Отсутствие у великороссов каких бы то ни было имперских привилегий, кроме обусловленной историческими обстоятельствами имперской роли их языка, их столь же подневольное участие в коммунистической экспансии, сколь и участие других подсоветских народов, идеологический характер этой экспансии, чуждой каким бы то ни было русским национальным интересам, полностью игнорируются З. Бжезинским. М. Геллер с полнейшими к тому основаниями пишет, что "определение соперника США в XX веке как **русской империи милитаристского типа** не только ничего не объясняет в истории современных мировых отношений, но мешают выработке эффективной стратегии конфронтации". З. Бжезинским полностью сброшено со счета специфичное для XX века понятие идеологизированного тоталитаризма, экономически и технологически самым роковым образом спасаемого западным миром. Между тем конечная цель этого тоталитаризма — завоевание Запада. М. Геллер пишет: "Выводы и предположения Бжезинского логичны, но только в том случае, если "соперник", "конкурент", описанный им, соответствует тому образу, который мы находим в "Плане игры". Если соперник — великорусская империя. А если это не так? Если допустить, что в то время, когда США ведет "игру", Советский Союз ведет войну? Если для советских руководителей США не "конкурент" и "соперник", а враг?.."

Для Солженицына два последних предположения — не предположения, а неоспоримые истины. Из них он исходит в статьях февраля и июля 1980 года, помещенных в журнале

"Форин Аффферс" и развивающих положения его речи, произнесенной в Гуверовском институте в 1976 году. Я имею в виду статьи "Чем грозит Америке плохое понимание России" (I, стр. 305—344) и "Иметь мужество видеть" (I, стр. 345—365). В этих статьях монолог, произнесенный в Гуверовском институте, обретает развернутое, конкретизованное, с ссылками на определенные американские источники, обоснование. По-видимому, к 1980-му году Солженицын все горше теряет надежду быть услышанным и с доверием воспринятым своими западными адресатами. Тем не менее он не может заставить себя замолчать — не говорить об опасности, угрожающей всему миру, и о средствах противодействия этой опасности. По-прежнему он убежден, что одним из решающих средств этого противодействия могло бы стать столь бездарно и близорукую реализуемое сегодня Западом радиовещание на языках порабощенных коммунизмом народов:

"Единственная и глубокая политика Соединенных Штатов может состоять не в заигрывании с каждым переворотчиком в шатко-нейтральной стране, не в угождении каждому советскому эмиссару, который представляет не население, а свою правящую клику, не в игольчатом балансировании между мнимо соперничающими коммунистическими фракциями, — но: открыто стать на сторону всех порабощенных народов против поработившего их всемирного коммунизма. Открыть пропагандное наступление такой же силы и пронизательности, как 60 лет ведут коммунисты против вас, и не трепетать, что в ответ будет браниться лживая "Правда". В моей статье я и поражался, как бездумно отбросил Запад мощную невоенную силу эфира, зажигающий эффект которой в коммунистической мгле даже не может вообразить западное сознание. Так можно установить прямой контакт с подневольными народами и способствовать росту их самосознания и высвобождения.

...Для всего этого нужна крутая ломка традиционной межгосударственной "вежливости", но коммунисты давно ее растоптали, да и в Тегеране мы видели цену ей.

Для спасения Запада из сегодняшнего положения нужно вырваться из рутинного процесса, нужны смелые решения выдающихся руководителей.

...Я мог бы и не спешить со всеми этими аргументами. Уже становится ясно, что ни одна моя статья, ни десять моих статей, ни десятеро таких, как я, — не посильны перенести Западу наш кровавый выстраданный опыт и даже нарушить тот

* Zbigniew Brzezinski, "Game plan. A geostrategic framework for the conduct of the US—Soviet Contest. Boston—New York, 1986. См. обстоятельную рецензию М. Геллера "'План игры' Збигнева Бжезинского", "Русская мысль" №№3653/3654 от 26 декабря 1986 г., стр. 11, откуда взяты мною высказывания М. Геллера.

эвфорический комфорт, который царит в американской политической науке. Я мог бы не спешить, — потому что уже на пороге те события, которые сами бесспорно откроют Западу его просчеты” (1, стр. 364—365).

”Я мог бы и не спешить (выд. Д. Ш.), — пишет Солженицын, — ”мог бы”, если бы равнодушие к происходящему **могло стать** его определяющим настроением. Но **не может**, потому что потребность **будить** (речами, статьями и книгами) владеет и, по-видимому, будет владеть им до последнего сознательного мига жизни. И будить не одних только соплеменников. Так — и статья ”Скоро все увидим без телевизора” (2, стр. 2—4, май 1982) прежде чем по-русски, напечатана во французском ”L'Express” в марте 1982 г.

И сегодня эта, уже более чем пятилетней давности взволнованная статья, невероятно актуальна. Который месяц уже американская ”media” и обе палаты Конгресса мечут громы и молнии в администрацию Рейгана, подозревая ее в тайной (количественно ничтожной) помощи никарагуанским борцам против марксистского тоталитарного режима Ортеги и К⁰! Причем борцы за демократию против тоталитаризма сплошь и рядом именуются в статьях и речах западных, казалось бы, демократов ”мятежниками”, помогать которым зазорно. И это уже почти на американской границе. И администрация Рейгана (а также как будто бы помогавший ей в поддержке ”contras” Израиль) робко оправдывается и неуклюже отрекается от этой спасительной для демократии помощи. И другая грозная для западной аудитории Солженицына операция набирает мощь в наши дни, через пять лет после статьи в ”L'Express”, перепечатанной в ее русском оригинале ”Посевом”. Горбачевская поверхностная либерализация скачкообразно повышает эффективность кремлевской **борьбы за мир**, — в планетарно-физическом, вещественном смысле последнего слова, — **за завоевание мира**, то есть всех решающих регионов планеты. На июньском, 1983 года, пленуме ЦК КПСС Андропов сказал: ”Идет **борьба за умы и сердца миллиардов людей на планете**”. Это не шутка, не иносказание и не преувеличение. Горбачевская демократизация в ее внешнеполитическом рекламировании — замечательный ход в этой — не борьбе, нет — в этой односторонней атаке. Солженицын почти безуспешно (кое-кто слышит и подхватывает) предлагает Западу, с одной стороны, в свою очередь, тоже невоенными средствами бороться ”за умы и сердца миллиардов людей на планете”, с другой — всемерно, в том числе и физически, помогать тем, кто уже сражается против тоталитаризма военными средствами, кто атакован последним в прямом смысле

слова. Существенного сдвига за пять лет в этих проблемах не произошло, и потому так злободневен монолог Солженицына 1982 года. Потому что не только нет или пренебрежимо мало этой физической помощи, но и освещается происходящее бойкими функционерами ”media” и существенной частью политиков с той же зловещей односторонностью, о которой кричал с журнальных страниц пять лет назад Солженицын.

”Всякую минуту, что мы живем, — где-то на Земле одна-две-три страны вновь перемалываются зубами тоталитаризма. Но не поняв этого ужаса и не желая помочь отбиваться от него — лишь посылают туда телевизионных операторов, чтоб они фильмировали эту кровь, пот и слезы, передавали агонию страны, а мы бы в своих удобных гостиних рассматривали бы их. Телевизионные предприниматели, вот и голландские в Сальвадор, посылают операторов не для того, чтобы выяснить объемную истину и жестокую угрозу своей же цивилизации, но — как недавно и американские телекомпании во Вьетнам — чтобы доказывать недобросовестно, однобоко, что это гиблое правительство, полно недостатков, и не надо его поддерживать. Странно: отчего же тогда не шлют фильмировать никарагуанские аэродромы, концлагеря, или как сандинисты выкуривают и сжигают индейцев? Потому что их туда никто не пустит — и они сразу смиряются. И едут подсматривать с открытой стороны. И скандалить о каждом замеченном промахе или пороке.

Несчастные эти правительства — уже сорок их прошло и кануло! — обреченные коммунистами в жертву: подрываемые безжалостной тоталитарной бандой — они обязаны перед лицом террора той банды демонстрировать изошренное демократическое балансирование, иначе именно их, а не террористов освищет вся мировая медиа, весь тот мир, который должен был бы стать их союзниками, но спешит утопить их. Утопить — и в форме обманных ”переговоров”, как мечутся сейчас мексиканские и французские не унывающие миротворцы, забывшие все уроки 65 лет: такие ”переговоры” на время — как раз то, что и требуется коммунистам, чтобы прикрыть обманными обещаниями свое убивающее проникновение. Но нигде на Земле коммунисты никогда не были остановлены переговорами — и всегда выигрывали от них. (Хоть и вспомните бессмертные переговоры Киссинджера с Северным Вьетнамом.) И — как с демократическим сознанием можно предлагать законному правитель-

ству переговоры с мятежниками?" (2, стр. 2).

В 1982 году Солженицыным была безошибочно указана одна из самых горячих точек нынешнего мира, и дай Бог, чтобы не оправдался его заключающий эту догадку прогноз:

"Сегодня победное наступление коммунизма отчетливее всего видно в Центральной Америке. Но отдав когда-то без всякого сопротивления Кубу (а через Кубу — Анголу и Абиссинию), а сандинистам даже помогав американским сочувствием и деньгами, теперь — для Сальвадора, Гондураса и Гватемалы можно выдвинуть идею благородных переговоров с обманщиками. И снова поднимаются и стройнеют ряды американских пацифистов, не ощущая за плечами мешка так безмозгло проигранного Индокитая: "только не вмешательство! только не разрешить одному советнику взять с собою в джунгли одну винтовку! Еще рано вмешиваться нам!" И так — они будут удерживать свое правительство и сами отступать до тех пор (уже скоро), когда коммунисты дойдут до границы Техаса. А тогда — уже слышу, как они взвоят: "А теперь уже поздно, все упущено! Мы не можем мобилизовать американскую молодежь. Надо — сдаваться..."

Коммунисты везде уже на подходе — и в Западной Европе и в Америке. И все сегодняшние дальние зрители скоро все увидят без телевизора и тогда поймут на себе — но уже в проглоченном состоянии" (2, стр. 2—3. Разрядка Солженицына).

Чтобы предсказания Солженицына не казались читателю устрашающим преувеличением, приведу несколько слов из статьи Б. Хургина, посвященной слепоте американских политиков по отношению к никарагуанской опасности ("Забытые контрасты". "Новое Русское Слово" от 28 декабря 1986 г.). Б. Хургин пишет об угрозе в обозримом будущем борьбы с коммунистической экспансией уже на территории Соединенных Штатов:

"Опасность эта не является чисто теоретическим предположением. В качестве эпиграфа к статье о трудностях, переживаемых "контрас", журнал "Солджерс оф фридом" цитирует высказывание министра внутренних дел сандинистского правительства Томаса Борхе, которого называют "никарагуанским Берия". "Мы захватили власть в Никарагуа, — заявил Борхе. — Очень скоро мы придем к власти и в Сальвадоре, Гватемале, Гондурасе, Коста-Рике и Мексике. Наступит день — завтра, через пять или через пятнадцать лет, — когда на нашей стороне окажутся 15 миллионов мексиканцев,

движимых одним желанием — перейти границу, добраться до Далласа, Эль-Пасо, Хьюстона, Нью-Мексико, Сан-Диего и убить каждому по десять американцев". Это заявление было сделано на митинге в Манагуа 26 марта 1985 года".

Как правило, такие заявления ее врагов нестораживают демократию. Со времен Маркса она их не принимает всерьез, хотя они неуклонно осуществляются.

Сравнив прогнозы Солженицына 1982 года и данные статьи конца 1986 года, мы легко улавливаем мировую глобально-политическую тенденцию, о которой Солженицын не устает говорить с начала 1970-х гг.

Солженицын и в этой статье пишет "о новейшей русской истории, как если бы на Западе ею (а не прикремлевскими сплетнями) интересовались и знали бы ее" (2, стр. 3). И здесь говорит он о гражданской войне как о войне большевиков не только с правящими классами старой России, но и в огромном количестве случаев — с рабочими и крестьянами, не принимавшими большевиков. Он усиленно акцентирует участие в гражданской войне на стороне большевиков освобожденных ими военнопленных: в 90 городах стояли, по его словам, интернациональные красные гарнизоны. Интернациональные отряды участвовали во взятии Ярославля и в бессудных расстрелах восставших рабочих Ижевского и Воткинского заводов. Но коммунизм всегда был движением интернациональным! И по сей день его путчам в разных регионах планеты помогают его интернациональные силы. И во все большей степени победы марксистов в любой стране предопределены воздействием извне. За этот акцент на участии иностранцев в большевистском завоевании России Солженицына упрекают в эксплуатации инородческой версии происхождения советской власти. Но он нигде, в том числе и в "Красном колесе", не говорит о предопределяющей или о решающей роли инонационального вмешательства в российские события, но лишь о весьма существенном его вкладе. И преуменьшение или игнорирование этого вклада представляется ему результатом целенаправленной фальсификации истории большевиками (вполне по Орвеллу). Солженицын пишет:

"Много лет все усилия коммунистического аппарата были направлены скрыть от народа нашей страны (и от Запада) память об истинном ходе событий в начале XX века, и особенно за годы 1917—1922, и изобразить их в версии коммунистов. И задуманное вполне удалось: в СССР гораздо лучше известно начало XIX века, чем начало XX¹. Историческая память настолько перебита, что даже большинство сегодняшних совет-

ских диссидентов вынуждено вести свои построения и предложения на материале не глубже сталинского времени или на внеисторических политических соображениях. Что же сказать тогда о более отдаленной Европе, где усилиями уже не государственного аппарата, но множества революционных энтузиастов создавалось то же заглушение и искажение? (Г-н Суварин и сегодня имеет неумолимость оспаривать, что коммунисты в России — единственная из партий — питались миллионами вильгельмовской Германии.) Поработали тут и фальшивые художники вроде Эйзенштейна с его прогремевшим, но лживым фильмом "Броненосец Потемкин" (придуманные, никогда не бывавшие сцены). Только в такой обстановке глубокого непонимания нашей революции может иметь успех в Соединенных Штатах фильм "Красные". А вот скоро подоспеет и советский режиссер Бондарчук на ту же тему: вялое топтание у незащищенного Зимнего дворца будет, как обещают, изображено неудержимым штурмом 10 тысяч солдат, которых там и в помине не было в 1917-м.

Возникло на Западе ложное понимание, что современный СССР есть продолжение старой России — а это путь поперек нее, всрез и на уничтожение" (2, стр. 3).

Солженицын не питает никаких иллюзий и относительно еврокоммунизма. Он язвительно иронизирует:

"И как тут не восхититься смелостью Карильо и Берлингуэра! Они — в "оппозиции" социализму "советского образца"! — как будто бы в Корею, или Китае, или Кубе мир где-нибудь видел другой образец. Их было уже сорок проб, и оказывается все "недостаточно марксистские". Нет! дайте еврокоммунистам извести еще 15 миллионов человек, и осуществить еще два образца социализма, о которых, увы, последующие критики тоже выскажутся, что они "не вполне марксистские". (А разве мало проговорено в самом "Коммунистическом Манифесте", что такое марксизм?!) Все расхождение между этими двумя: итальянские коммунисты считают, что Великий Октябрьский переворот сегодня, после 65 лет, уже утратил свое руководящее значение, а испанские — что и сегодня не утратил! Это — тот самый бандитский переворот, который с первых же ленинских дней лишил наш народ всех и всяких прав, затем *отобрал* у крестьян землю — 4/5 всей возделываемой земли России (по революционной легенде "дал" землю), превратил богатейшую страну в голодную, нищую и уничтожил десятки миллионов

людей! Если бы Карильо и Берлингуэра были честны, они давно бы прокляли этот октябрьский переворот с самого его начала и сняли бы со своих партий позорное название 'коммунистических'" (2, стр. 3—4. Курсив Солженицына).

Таким образом, все свои публицистические усилия Солженицын и здесь направляет на то, чтобы открыть не желающие открываться глаза своих западных слушателей на коммунизм, внешний для них и внутренний.

В "Русской мысли" от 7 июля 1983 г. (в дальнейшем источник 3) помещены выдержки из пресс-конференции Солженицына в Лондоне 11 мая 1983 года. И крупношрифтовым эпиграфом ко всему материалу даны слова: "Альтернативы 'красный или мертвый' не существует, потому что быть красным — это и значит быть мертвым". У Солженицына сказано по этому поводу следующее:

"Западная молодежь совершенно не понимает, что такое коммунизм. Ей заморочили сознание. Они даже не задумываются над таким, самым простым вопросом, а почему голоса из СССР протестуют против западного ядерного оружия, а не против советского? Они же видят, что все из Советского Союза, чьим голосам разрешают прозвучать, — все против западного оружия. Да спросите: а почему ж вы против собственного не протестуете? Но самое главное: спросите ваших молодых людей, только чтоб искренно они вам ответили, совершенно искренно. Хорошо, вы протестуете против ядерного оружия, а не ядерным оружием вы согласны защищать свою родину? Нет, не согласны. Они вообще не согласны бороться, они вообще хотят сдаться. Они поверили Бертрану Расселу, он их убедил, что лучше быть красным, чем мертвым. Но, я должен сказать, Бертран Рассел увидел альтернативу там, где ее нет. Такой альтернативы: "красный или мертвый" — не существует, потому что быть красным это и значит быть постепенно мертвым. Вот как раков бросают в воду и они постепенно краснеют, так и под коммунизмом одни умирают сразу, другие постепенно. Таким образом, тут альтернативы нет" (3, стр. 10. Выд. Д. Ш.).

Значит, западная молодежь должна быть готовой к самозащите оружием?

Значит, коммунизму нельзя давать ни на шаг распространяться и одностороннее разоружение самоубийственно?

Значит, вооруженная борьба не аморальна там, где она возможна и способна быть эффективной?

Можно ли тогда принципиально, а не

только для каких-то конкретных обстоятельств отрицать физическую революцию в уже захваченных коммунизмом странах? Отмечу один существеннейший момент: синоним "красный—мертвый" — это максима, не для всех внешних наблюдателей и не для всех туземцев стабилизированного, "зрелого", "развитого" социализма реальная, самоочевидная. В ряде стран экстремальные периоды террора и голодного вымирания проходят (хотя в иных длятся перманентно), и обыватели (не говоря уже о номенклатуре и ее многообразной обслуге) так или иначе приживаются к строю. Коммунизм оптово лепит характеры, не осознающие тождественности своего бытия умерщвленности заживо ("винтики", "гомо советикусы"). Они, уцелев после экстремумов террора и голода, влчат свое существование, полагая себя вживе. А сторонние наблюдатели видят гастролеров из коммунистических зон, спортсменов, киноленты, ученых, парадные туристические фасады, встречают определенной формации эмигрантов, подчас рекламирующих страну своего исхода как потерянный рай. И для этих сторонних наблюдателей представляется вполне прагматичной альтернатива Б. Рассела. Тем более, что и в западном мире проблем хватает. А мир атакующий так умело камуфлирует свои гангренозные участки имитацией своего процветания, что для него нет ничего удобнее, желательнее, легче эксплуатации альтернативы Рассела.

Представитель агентства Рейтер задает Солженицыну вопрос:

"Со времени прихода Андропова к власти был оживленный обмен мнениями и аргументами насчет гонки вооружений обеих сторон, и последние год-два сильно возросли движения за разоружение. Что бы Вы сказали по вопросу ядерного разоружения молодежи и женщинам в Великобритании?" (VIII, стр. 10).

Солженицын предлагает рассмотреть несколько аспектов ответа на этот вопрос:

На первое место он ставит естественное отвращение "всякого человека" к ядерному оружию и обращается к истории его появления:

"Его первые изобрели на Западе, и пустила в ход его богатая страна, которая побеждала и без того, и без ядерного оружия. Чтобы не терять своих солдат на окончание японской войны, убили около ста пятидесяти тысяч гражданского населения. Сам по себе этот выбор уже был ужасен. По-моему, отвращение к ядерному оружию, и даже более бурное, чем оно имеет место сегодня, должно было появиться в общественном мнении и у молодых людей Западе, имеющих свободу слова, за 40 лет до сегодняшнего дня. А

общественное мнение схватилось за идею ядерного зонтика, и молодежь — того времени молодежь, сегодня она уже старая, — считали себя очень защищенными и были очень спокойны под ядерным зонтиком. Вот эта идея 40-х годов, что допустимо применить ядерное оружие, была аморальна. И было близорукое, глупо предположить, что так и будет всегда, что ядерное оружие будет только у Запада. В 40-х годах никто бы не поверил, что наступят времена, когда Советский Союз будет иметь более сильное ядерное оружие. Правда, был очень трезвый план Баруха в то время. Если бы тогда удалось установить всемирный, строгий, настоящий контроль над ядерным оружием, то тогда бы действительно человечество ушло от этой опасности, но надо сказать, что план Баруха был нереален при наличии Сталина и вообще коммунистического государства. Это была полная наивность и нереальность — предположить, что Советский Союз не вступит в соревнование по ядерному оружию. Вот первый аспект, который я хотел осветить" (3, стр. 10).

Оставим в стороне исторически конкретный вопрос о применении ядерного оружия американцами в Японии. Но если бы США из естественного человеческого отвращения к ядерному оружию отказались от его создания, монопольным обладателем этой отвратительной силы в конце 1940-х — начале 1950-х гг. стал бы СССР. И тогда судьба мира решилась бы однозначно, ибо ничто не уравнивало бы советского ядерного шантажа².

И можно ли называть план Баруха одновременно и "очень трезвым", и "полной наивностью и нереальностью"? Несомненно, что этот план был несколько не трезвым, а полностью наивным и нереальным, потому что не только Сталин, но и любые его преемники, не отказавшиеся от коммунистической догматики (а до сих пор никто из них от нее не отказался), никогда не допустят в своих пределах "строгую, настоящего контроля над ядерным оружием". Поэтому Запад обречен его иметь и уравнивать им ядерный и неядерный потенциал вероятных агрессоров.

О втором аспекте западной борьбы против ядерного вооружения (как он видится Солженицыну) мы уже говорили. Это капитулянтская психологическая подоплека западных массовых антиядерных движений — отсутствие у участников этих движений готовности и решимости себя защищать даже конвенциональными средствами. Это массовое западное исповедание альтернативы Б. Рассела.

"Третий аспект. Участвуют ли советские власти и деньги в организации этих

демонстраций? Всю жизнь посвятив изучению коммунизма в Советском Союзе, я скажу: лично я даже в доказательствах не нуждаюсь. Мне не надо было даже того случая, что в Дании раскрыли какого-то журналиста, который советские деньги посылал на эти демонстрации.

* *
*

Таким образом, резюмирую ответ на ваш вопрос: сегодняшние противоядерные демонстрации в Европе есть сочетание 1) здорового ощущения человеческой природы; 2) дезинформированности западного общества, особенно молодежи, и 3) отличной советской организации (3, стр. 10).

Солженицын особо акцентирует "неведение участников" пацифистских движений и организаций по части того, чьими деньгами располагают и оперируют их главари, кто инспирирует их деятельность. Искренность и бескорыстный идеализм рядовых участников западных пацифистских движений и маршей роковым образом не исключают того, что их организуют и финансируют силы, для которых борьба против войны есть один из существеннейших путей завоевания планеты. Погружаясь в историю, Солженицын обнаруживает грозное сходство между тактикой большевиков по отношению к безвольной и слабой русской демократии 1917 года и к российским народным массам тех лет, с одной стороны, и действиями СССР на территориях современных западных демократий — с другой.

¹Ныне в издательстве ИМКА-ПРЕСС в Париже под моей редакцией начала выходить по-русски серия "Исследования Новейшей Русской Истории", призванная отчасти восполнить этот прорыв. Она будет переводиться и на другие языки (прим. Солженицына).

²Подобная ситуация едва не сложилась в середине 1950-х гг., когда США, обладавшие гораздо более высокими научно-техническими возможностями (как сегодня — в области СОИ), отстали от СССР (к счастью, ненамного) в разработке куда более мощного термоядерного оружия и средств его доставки.

"ЭТОТ ЮМОР РАСКРЫВАЕТ МИРИАДЫ ИСТИН"

(Интервью с д-ром С. Тиктиным)

ГЗ — Как возникла ваша коллекция политических анекдотов? Когда и почему вы стали их собирать?

С.Т. — Начал я их собирать с конца 1956 года. Потому что именно в то время я, как и многие другие люди моего, тогда еще молодого поколения, пережил в связи с хрущевскими разоблачениями "культ личности" кратковременный, но высокий взлет надежд на лучшее, свободное (и притом советское!) будущее, а затем — после подавления восставшей Венгрии — тяжелейшее разочарование.

Так или иначе, без какой-либо определенной цели, без далеко идущих планов, я начал тогда систематически собирать политические анекдоты и делал это в течение двадцати лет — до выезда из СССР в 1977 году. Потом я продолжал собирать их и дальше.

ГЗ — Вы их записывали или держали в памяти?

С.Т. — Такое количество в памяти не удержишь. Особенно, если она еще кое-чем загружена. Конечно, я их записывал, с сокращениями, в маленьких книжечках с надписью: "Карается смертью — вознаграждается жизнью" — по названию мрачного рассказа "Mit dem Tode bestraft — mit dem Leben belohnt" одного немецкого автора о последних неделях нацистского режима в Германии. Иногда, когда возникала (или

казалось, что возникала) опасность, их уносили из дома в другое место. Потом, здесь уже, их понадобилось существенно отредактировать.

ГЗ — Как анекдоты были переправлены через советскую границу?

С.Т. — Как и другие наши материалы, в микрофильмах.

ГЗ — Скажите откровенно, вы испытывали страх все эти двадцать лет?

С.Т. — Разумеется. Тем более, что после того, как я познакомился со ставшей впоследствии моей женой Дорой Штурман (тогда у нее была другая фамилия и другой псевдоним в Самиздате), через наш дом циркулировали и, более того, в нем создавались куда более серьезные материалы...

ГЗ — В общем, чувствовали себя как бы сидящими на бочке с порохом?

С.Т. — Не то сравнение. Порох сам по себе не взрывается. Можно сравнивать такое бытие с систематическим пользованием примусом на такой бочке, употребляемой в качестве стола на коммунальной кухне.

Мы делали свое дело — буднично, без романтики, без игры в героизм, но и не забывая об опасности. В узком провинциальном кругу (его живые ныне участники успели выехать вовремя), связанном многими невидимыми нитями с более известными кругами, не подставляя себя под огонь и сами стремясь целить возможно точнее.

Думаю, что в моем, теперь уже пухлом, досье в КГБ нет на меня ни одного доноса по поводу анекдотов.

ГЗ — Является ли политический анекдот специфическим для подсоветской ситуации жанром?

С.Т. — Несомненно. Человек не может существовать в безмыслии. Так он создан. Там, где душат свободную мысль, вообще мысль, анекдот является наиболее легким способом ее выражения.

В нацистской Германии и фашистской Италии тоже ходило немало политических анекдотов. Некоторые из известных мне весьма походят на подсоветские. Но о публикации их крупных коллекций после второй мировой войны данных нет. Видимо, то ли службы безопасности, то ли союзная авиация сработали слишком хорошо. Буду рад, если ошибаюсь. Сегодня в восточноевропейских странах — сателлитах СССР, на Кубе и в Китае политический анекдотный фольклор развит широко. То, что дошло до нас, похоже, только небольшая его часть.

ГЗ — Является ли политический анекдот порождением XX века?

С.Т. — Политический анекдот, как и другой фольклор политического характера — песенки, частушки, пантомимы и т. п., — уходит в глубь веков. Он не мог не возникать там, где существовали идеологизированный режим с его цензурой, репрессивным аппаратом и т. д. — и думающие люди. Но, будучи устным творчеством, он имел мало шансов быть сохраненным для будущих поколений. Из западноевропейского средневековья до нашего времени дошли считанные политические анекдоты. Больше повезло песенкам вагантов (не путать с трубадурами, менестрелями или миннезингерами), порядком высмеивавших пороки духовных да и светских владык тех времен. Тексты их случайно нашли замурованными в стене (монастыря, монахами!) через несколько веков.

А сколько и чего не нашли?

Устный анти тоталитарный политический фольклор XX века, в отличие от фольклора прошлых времен, возникает и циркулирует в странах сплошной или почти сплошной грамотности в условиях "монополии легальности" (Ленин) правящей ими партократии на печатное слово. Иначе говоря, его вызывает к жизни тоже отсутствие письменности — легализованной письменности идей и сюжетов, не укладываемых в рамки этой монополии. Так возникло парадоксальное генетическое родство между устным народным творчеством далекого прошлого и новейшего времени.

ГЗ — Но политические анекдоты существуют и в демократических обществах.

С.Т. — И даже публикуются. Но их роль в них совершенно иная. Они не передают

запретных идей и сюжетов. Они, как правило, куда добродушнее и безобиднее анекдотов подтоталитарного общества, больше касаются отдельных личностей или организаций (включая и партии), но редко — серьезных проблем, поскольку таковые свободно обсуждаются в различной прессе, иногда даже в убийственно злобных тонах.

В Чехословакии до 1968 года ходило много политических анекдотов. Частью местного происхождения, частью занесенных из Советского Союза — ведь ситуации-то были сходные. Во время "Пражской весны" бывшие запретные темы перешли из фольклора в открытую (фактически) прессу; а после советского вторжения и восстановления партийно-идеологического контроля над ней анекдотный фольклор в стране снова расцвел — и очень бурно, тем более что обстановка изобиловала анекдотическими сюжетами и ситуациями.

ГЗ — Сказывается ли национальный характер на политическом анекдотном фольклоре?

С.Т. — Безусловно, но в общем косвенно, неявно. Немецкие анекдоты несколько топорны, польские, наоборот, производят впечатление какой-то округлости, чехословацкие — горькие и одновременно едкие, анекдоты из СССР на еврейские темы вызывают чувство мягкой грусти.

Анекдоты мигрируют из эпохи в эпоху, из страны в страну, приобретая соответствующую "окраску". Они умиряют и восресают, порой через поколения, иногда среди совсем иного народа, как только возникают ситуации, сходные с породившей их.

ГЗ — Кто, по-вашему, придумывает анекдоты?

С.Т. — Все общество, весь народ. Его наиболее зоркие и остроумные представители. Следует отметить, что гибнущее крестьянство конца 1920-х — начала 1930-х гг., похоже, не оставило анекдотного фольклора, выразившего его взгляд на коллективизацию. Известные нам анекдоты на сельскохозяйственные темы явно сочинены городскими жителями. А тоже достаточно страшные "большой террор" 1930-х и недавняя чернобыльская катастрофа ярко и многопланово отразились в анекдотном фольклоре.

ГЗ — Чем объяснить возникновение "чернобыльского" черного юмора? Ведь над несчастьем смеяться нехорошо.

С.Т. — Тем же, чем возникновение анекдотов о "большом терроре" полвека назад, о последующей деятельности советских органов госбезопасности, о лагерях и т. п.

И та и другая пагуза не ниспосланы высшей силой, не вызваны были слепо взбесившейся природой. Они целиком рукотворны, и это понятно. Когда творимое людьми зло неотвратимо — как сохранить

свой дух, себя как человека, оказываясь лицом к лицу с ним?

Один из наиболее эффективных способов — это высмеять его, представить зло и тех, кто его творят, не страшными, а именно смешными. Этот феномен давно известен. Вспомните хотя бы "Боги жаждут" А. Франса, ту сцену в тюрьме, где играют в трибунал и гильотину люди, обреченные ей якобинским террором.

Собственно говоря, разве способна человеческая натура выдерживать тоталитарный гнет, для которого она не создана, без подобной психологической разрядки? И потому-то анекдотный фольклор не умирал и в сталинские времена, когда за один анекдот порой давали "червонец" и тем, кто рассказывал, и тем, кто слушал.

Между прочим, чернобыльский "анти-юмор", будучи злым, жестоким и циничным, удивительно правильно отражает политические и технологические причины катастрофы, ее многообразные последствия и исходящие от нее опасности. Похоже, что у его истоков находятся очень хорошо осведомленные специалисты. Весьма симптоматично, что неблагоприятная ситуация в советской науке и технике, в частности в ядерной энергетике, отразилась в анекдотном фольклоре еще до чернобыльской катастрофы. Но все это уже тематика прошлого, хотя и совсем недавнего.

ГЗ — А чему посвящены анекдоты последнего времени?

С.Т. — В основном ГПУ — гласности, перестройке, ускорению.

ГЗ — Где, по вашему мнению, возникают современные политические анекдоты, в Советском Союзе или среди выехавших из него его бывших граждан?

С.Т. — В Советском Союзе с 1918-го (а может быть и с 1917-го) года непрерывно возникают политические анекдоты, направленные против коммунистической власти. Покидающие его "волны" эмиграции выносят за его пределы знающих и остроумных людей, которые начинают или продолжают, как прежде (от себя еще никто не ушел),

сочинять политические анекдоты. Но нам известно относительно очень немного анекдотов, авторов которых можно было бы назвать с достоверностью.

ГЗ — Каковы сегодня перспективы анекдотного фольклора в СССР?

С.Т. — Тщетные попытки горбачевского руководства перестроить советскую систему так, чтобы, не изменив ее структуры, заставить ее работать лучше; ширящееся понимание ее фундаментальных, заложенных в ее сути пороков, рост неофициального и полуофициального идейного плюрализма при сохранении прежних идеологических, политических и экономических основ государства и его прежнего репрессивного аппарата, а также ряд других факторов и событий создали к 70-й годовщине октябрьского переворота условия, весьма и весьма способствующие ускоренному развитию именно анекдотного фольклора. Наши читатели смогут убедиться в этом по свежим анекдотам 1987 года.

ГЗ — Правда ли, что анекдоты из вашей коллекции были переданы президенту США Рональду Рейгану?

С.Т. — Далекое не все, в английском переводе, изданном президентом американского "Института руководства" ("The Leadership Institute", Springfield, Virg. USA) Мортонем С. Блеквеллом.

ГЗ — И какое у него сложилось мнение о них?

С.Т. — Он написал: "Этот юмор раскрывает мириады истин".

ГЗ — Чем отличается вышедшее новое издание вашей книги "Советский Союз в зеркале политического анекдота" от прежнего?

С.Т. — Оно существенно расширено и дополнено — до октября 1987 г. включительно. В книге 543 страницы. Она содержит около 1750 анекдотов, разбитых по 44-м тематическим главам, и иллюстрирована 45 рисунками. Каждая глава имеет аналитическое вступление. Имеется также общее введение. В начале книги приведена переписка президента США Рональда Рейгана с М.С. Блеквеллом по поводу анекдотов из нашей коллекции.

Цена книги 25 долларов, включая пересылку. Чеки следует посылать по адресу:

S. Tiktin

Misrakh Talpiot 422/6

Jerusalem 93802

Israel

РЫЦАРЬ БЕЗ СТРАХА И УПРЕКА

С глубокой скорбью узнал из письма его жены, что 18 ноября умер скоропостижно Дмитрий Михайлович Панин. Странны и страшны судьбы людей нашего времени, и особенно самых лучших, тех, кому без преувеличения можно бы дать имя героев!

Многолетнее заключение в концлагерях, где он был союзником Солженицына (тот вывел его под именем Сологодина в романе "В круге первом", и Дмитрий Михайлович позже издал книгу воспоминаний под названием "Записки Сологодина"). Отъезд на Запад, устройство во Франции. Казалось бы — более или менее счастливая развязка?

Нет, — начало борьбы, и самой тяжелой. Правые взгляды сделали Панина неприемлемым для той литературной и политической мафии, которая, на беду, всем заправляет в русском Зарубежии. Его имя стало почти что табу; его статьям, чем дальше, то больше, трудно становилось пробиваться в печать.

А он был по природе искатель правды, ни перед кем не хотел ни склоняться, ни сгибаться и неуклонно говорил и писал лишь то, что думал, то, во что верил.

Даже и в правых кругах он не нашел себе заслуженного места, потому что не соглашался принимать программы той или иной группировки, хотя бы и относительно к нему близкой, а упорно проводил свои собственные оригинальные идеи.

Идей и мыслей у него имелось много, не только в политике, а и в науке. Не берусь судить о значении его работ в сфере физики и математики, но с уверенностью скажу, что стена, которую перед ним воздвигали иностранные специалисты, их тупой упрямый отказ даже рассматривать его гипотезы, — никак не могут содействовать научному прогрессу.

В русском же эмигрантском кругу творилось и худшее еще. Последняя как будто по времени статья Панина, опубликованная в "Континенте", вызвала яростные нападки в "Русской Мысли" (а затем и в журнале "Время и Мы"). Особенно разозлило противников (не забывших и не простивших ему его прежней книги о "Созидателях и разрушителях") слова Дмитрия Михайловича о рыцарском идеале, как образце для нас всех в общественной работе. А он выразил то, что являлось сущностью его натуры: таков и был он сам, рыцарь и боец, одинаково готовый сражаться и с большевистскими танками, усмирявшими восставший концлагерь в Экибастузе, и с толпой мелких людишек, гоняющихся больше за своими личными интересами, чем за истиной или хотя бы за искренним убеждением, — и столь уютно процветающих в зарубежной прессе.

И вот, сия последняя война оказалась для него трагичнее. Перенесенные им в ее процессе разочарования и огорчения несомненно сильно приблизили кончину, поразившую его внезапно, словно бы в разгаре битвы.

Перед памятью такого человека все мы должны благоговейно преклонить голову. Многие ли из нас сумеют жить и умереть как он?

Хорошо, по крайней мере, что после него осталась верная его подруга и помощница, его супруга Исса Яковлевна, которая наверняка все усилия приложит, чтобы сохранить и довести до читателей творческое его наследие.

Владимир РУДИНСКИЙ

Сообщаем с прискорбием о кончине Дмитрия Михайловича Панина, последовавшей 18 ноября с. г. Выражаем глубокое соболезнование его вдове Иссе Яковлевне Паниной.

РЕДАКЦИЯ

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ В "ГОЛОСЕ ЗАРУБЕЖЬЯ" №46

В мою статью "Германская социал-демократия" вкралась странная ошибка. На стр. 28 стоит: "и был заменен Эрхардом, несмотря на то, что последний, хороший министр финансов, не годился на пост канцлера". Эрхард был, конечно, не министром финансов, а министром хозяйства (так и стояло в моей рукописи), он был создателем знаменитого немецкого "хозяйственного чуда". Министры финансов тогда менялись, и среди них не было особо выдающегося.

В. Пирожкова

На стр. 25 в статье В.Зарубина не закрыты кавычки после фразы: "Теперь Линнас послан на смерть". А здесь кончается цитата.

На стр. 40 в "Обзоре" В.Рудинского напечатано А.Степун, следует же Ф.Степун (Федор Августович).

Редакция извиняется перед М.Розановым за то, что его книга из номера в номер рекламировалась неправильно. Она называется не "Советский лагерь в монастыре", а "Соловецкий лагерь в монастыре".

М. М. РОЗАНОВ

СОЛОВЕЦКИЙ ЛАГЕРЬ В МОНАСТЫРЕ

1922 – 1939 годы

Книга первая. Издание автора, 1979, 302 стр. Стоимость 9 дол. **Книга вторая.** Издание автора, 1980, 176 стр. Стоимость 7 долл. Заказы направлять по адресу:

**Mr. Rozanov, P.O.Box 21, Sta F. Buffalo,
N. Y. 14212, USA.**

Почему такая великолепная теория уже столько лет приводит к совершенно противоположным результатам?

Ян Прохазка

Плохие свойства человека как такового?

Плохие руководители? Плохие народы? Плохая история?

Может ли централизованное в масштабах государства производство и распределение сосуществовать с правами человека и со свободным обращением информации в обществе?

И ПОЧЕМУ МОЖЕТ ИЛИ НЕ МОЖЕТ?

На эти вопросы отвечает

КНИГА ДОРЫ ШТУРМАН

"НАШ НОВЫЙ МИР"

ТЕОРИЯ. ЭКСПЕРИМЕНТ. РЕЗУЛЬТАТ

Рукопись книги, циркулировавшая в Самиздате с начала 1970-х гг., была нелегально вывезена из СССР. Автор, выехавший вслед, издал ее в 1981 году, дополнив (спустя десять лет) новыми фактами и статистическими данными, которые убедительно показали достоверность "подпольного" анализа. Новое издание расширено и дополнено материалами 1980-х гг., еще более четко подтвердившими первоначальные прогнозы.

Объем книги — 460 страниц. **Цена** — 15 долл. Пересылка в Европу и США морской почтой — 1,7 долл.; авиапочтой: в Европу — 2,5 долл., в США — 3,5 долл. Книгу можно получить, отправив чек по адресу: S: Tictin, 422/6 Mizrahk Talpiot, Jerusalem 93802, Israel.

**ВЕРОНИКА АРЕНС-ПУЛАВСКАЯ
GLOBUS — A SLAVIC BOOKSTORE**

Предлагает книги, напечатанные эмигрантскими издательствами. Имеются новинки, старые редкие книги, журналы, газеты, открытки, платинки, кассеты, плакаты. Разыскиваем редкие книги по заказам. Выполняем заказы по почте. Адрес: 332 Balboa str., San-Francisco, CA 94118, USA. Телефон: (415) 668-4723. Магазин работает ежедневно, кроме воскресенья, с 10 до 6.

Главный редактор: В. Пирожкова * Verantwortlich für den Inhalt: V. Piroshkow
Адрес редакции: V. Piroshkow, Einsteinstr. 104/III, D — 8000 München 80, Deutschland
Банковский счет: Hypotheken- und Wechselbank, 8 München, Konto Nr. 2760094318

За статьи и письма, подписанные фамилией
или псевдонимом автора, редакция не отвечает

Перепечатка разрешается, но с указанием источника.

